

На правах рукописи

УРНОВ МАРК ЮРЬЕВИЧ

**ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ АТМОСФЕРА ОБЩЕСТВА И
ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ**

Специальность 23.00.02 – политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы и
технологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

МОСКВА

2008

Работа выполнена на кафедре прикладной политологии факультета прикладной политологии Государственного университета – Высшая школа экономики

Научный консультант: доктор политических наук
Нисневич Юлий Анатольевич

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор
Соловьев Александр Иванович,
зав. кафедрой политического анализа
факультета государственного управления
МГУ им. М.В. Ломоносова

доктор философских наук, профессор,
Карадже Татьяна Васильевна,
зав. кафедрой политологии и социологии
МПГУ

доктор социологических наук
Крыштановская Ольга Викторовна,
руководитель Центра изучения элиты
Института социологии РАН

Ведущая организация: МГУ им. М.В. Ломоносова,
кафедра политической психологии
философского факультета

Защита состоится «25» декабря 2008 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д .212.203.20 при Российском университете дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.10., корпус 2, ауд. 415.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского университета дружбы народов.

Автореферат разослан «__» _____ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

М.Н. Мосейкина

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы

Факторы, определяющие специфику политических процессов, можно с достаточной степенью условности разделить на две группы: *институциональные* факторы, то есть явления, которые удовлетворяют широкому определению институтов, принятому в неoinституциональной теории¹, и *неинституциональные* факторы – явления, под это определение не подпадающие.

К числу *неинституциональных* факторов принадлежат, в частности, динамика численности и качества населения, этнокультурные и социокультурные сдвиги на уровне стран и регионов, изменения природной среды и пр. Относятся к ним и эмоциональные факторы, то есть эмоциональные состояния и процессы, в той или иной мере влияющие на политическое поведение.

Изучение роли институтов в политических процессах является основным направлением современной политологии. Что же касается *неинституциональных* факторов, то им в политологических исследованиях уделяется значительно меньше внимания. Между тем, их воздействие на политические процессы весьма велико и в последние десятилетия устойчиво возрастает.

Если говорить об эмоциональных факторах, то их роль в политической жизни трудно переоценить. От общественных настроений существенным образом зависят результаты выборов, политическая стабильность или нестабильность общества, его способность или неспособность противостоять внешним угрозам, стихийным бедствиям и пр.

Без учета эмоциональных факторов практически невозможно ответить на вопросы, касающиеся многих ключевых событий мировой и российской политической истории. Вот некоторые из этих вопросов.

---

¹ По словам Дж. Марча и Й. Олсена, «институт - это относительно устойчивый, встроенный в структуры смыслов и средств набор правил и организованных практик, который обладает относительной независимостью от смены персоналий и относительной сопротивляемостью к специфическим индивидуальным предпочтениям и ожиданиями, а также к меняющимся внешним обстоятельствам» (March, J.G., Olsen, J.P. Elaborating the "New Institutionalism". In: R.A.W. Rhodes, S. A. Binder, B.A. Rockman (Eds.) The Oxford Handbook of Political Institutions. – N.Y.: Oxford University Press, 2006, P. 3).

– Каковы причины популярности радикальных политических взглядов и массового насилия во время революций в Европе XVIII-XIX веков и в России в 1917 году?

– Почему население Германии, трезвость мышления которого вошла в поговорки многих европейских народов, дало себя увлечь нацистской утопией?

– Почему студенческие выступления в Европе 1968 года не нашли сочувствия у большинства населения?

– Почему государственный террор в России в 20-30-е годы пользовался поддержкой значительной части граждан страны?

– Почему распад СССР прошел относительно бескровно (по сравнению, например, с распадом Югославии)?

– Почему в России реформы 1992 года и дефолт 1998 года, то есть события, вызвавшие значительное ухудшение материального положения населения, вопреки ожиданиям многих политиков и политических аналитиков, не привели к сколько-нибудь масштабным акциям протеста?

– Почему в 1994-1996 годах действия российской армии в Чечне были крайне непопулярны в общественном мнении, а в 1999-2000 годах поддерживались большинством населения страны и т.д.

Влияние эмоциональных факторов на политическую сферу усиливается по мере развития электронных СМИ, мобильной связи и Интернета.

Телевидение позволяет одновременно и ежедневно воздействовать на многомиллионную аудиторию не только рациональными аргументами, но и интонациями голоса, выражением лиц, жестами, аудио- и видеорядами и пр. Соответственно меняются и механизмы политического выбора: в системе критериев, на основе которых формируются политические предпочтения, все большее значение приобретают непосредственные повседневные эмоциональные впечатления.

Интернет и мобильная связь открывают не существовавшие ранее возможности для быстрого формирования более или менее эмоционально-однородных, относительно устойчивых и больших по численности сообществ, которые, как показывает практика flash mob'ов, могут достаточно легко превращаться в реальные (контактные) группы.

Все эти обстоятельства делают актуальным *полноценное* включение эмоциональных факторов (как, впрочем, и всех остальных неинституциональных факторов) в предметное поле политологии. В противном случае и фундаментальная политическая теория, и прикладной политический анализ рискуют оказаться неадекватными сложности современной политической действительности.

Состояние научной разработки темы

Несмотря на очевидную значимость эмоциональных факторов для понимания политических процессов, политическая теория до сих пор относится к ним как к чему-то второстепенному.

В политических и политологических словарях и энциклопедиях в настоящее время нет статей «эмоции» и «настроения». В статьях по политологии вопросы, связанные с эмоциями и настроениями на уровне общества в целом, устойчиво находятся на периферии исследовательских интересов².

Причин сравнительно небольшого внимания академической политологии к эмоциональным аспектам политической жизни довольно много. Основные из них имеют, по-видимому, культурный характер.

Одна из причин – восходящая еще к Платону и глубоко укорененная в политологии рационалистическая традиция, в настоящее время проявляющаяся, помимо прочего, в абсолютизации парадигмы, противопоставляющей рациональность и аффективность³.

Вероятно, определенную роль играет и этический индивидуализм, отторгающий взгляд на личность как на фигуру, решения которой находятся под воздействием чужих эмоций и настроений.

Возможно, сказывается и влияние близких к политологии научных дисциплин – таких, например, как экономика с ее принципом методологического индивидуализма, лежащим в основе классических

---

² В XX веке в англоязычных политологических журналах на одну статью, в которой при обсуждении политических проблем общенационального уровня упоминались эмоции и настроения, приходилось около 20 статей, обходившихся без этих понятий и исследовавших данные проблемы в категориях «рациональность», «рациональный выбор», «институт», «структура» или «система» (См.: Урнов М.Ю. Эмоциональная атмосфера общества как объект политологического исследования. Статья 1 // *Общественные науки и современность*. 2007. № 2. С. 129-130).

³ О доминировании этой парадигмы в современной политологии см., например: Marcus, G.E. The Psychology of Emotion and Politics. In: Sears, D.O., Huddy, L., Jervis, R. (Eds.) *Oxford Handbook of Political Psychology*. N.Y.: Oxford University Press, 2003.

представлений о homo oeconomicus'е, который имеет все основания считаться ближайшим родственником homo politicus'а⁴.

Но чем бы ни обуславливалась маргинальность нынешнего положения эмоциональных факторов в политологии, эта ситуация на пользу политической теории не идет, так как снижает объяснительный потенциал политологических моделей, делает политическую аргументацию менее убедительной, чем она могла бы быть, и пр.

Впрочем, утверждать, что положение совсем не меняется, было бы неверно. Начиная с 80-х годов XX века, наблюдается ускоренный рост работ по политико-психологической тематике⁵. Однако пока что этот рост к качественным сдвигам в политологии не привел.

Из всех тем, связанных с влиянием эмоциональных факторов на политическое поведение, эмоциональная атмосфера общества представляется наименее изученной.

Основные теоретические подходы к анализу эмоциональной атмосферы общества были разработаны еще Г. Тардом и К. Левиным⁶. Однако сформулированные ими идеи наукой подхвачены не были, попав, по видимому, в «слепую зону», лежащую на периферии интересов психологии, социальной психологии и политологии. В сообществе политических психологов проблематика эмоциональной атмосферы общества также не находится в центре внимания.

В настоящее время этой темой на достаточно высоком научном уровне занимается, пожалуй, только Ж. де Ривера (США) и группа связанных с ним исследователей – участников инициированного Ж. де Риверой специального выпуска журнала *Journal of Social Issues*. 2007. Vol. 63. № 2: Д. Бал-Тал, Б. Риме, Ж.-М. Фернандес-Дол, Д. Паэз, С. Конехейро, И. Эчебариа и др.

---

⁴ Подробный обзор моделей «экономического человека» содержится в книге: *Автономов В.С.* Модель человека в экономической науке. – СПб.: Эк. школа, 1998. Среди работ, посвященных теории поведения homo politicus'а, см., например: *Вайзе П.* 1993. Homo oeconomicus и homo politicus: монстры социальных наук // *Thesis*. 1993. Том 1. № 3. *Мюллер Д.* Общественный выбор III. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007. *Нуреев Р.М.* Теория общественного выбора. – М.: ГУ-ВШЭ, 2005. *Quattrone, G.A., Tversky, A.* Contrasting Rational and Psychological Analysis of Political Choice // *The American Political Science Review*. 1988. Vol. 82. № 3.

⁵ См., например: *Rudmin, F.W.* G.V.Grundy's 1917 Proposal for Political Psychology: "A science which has yet to be created" // *International Society of Political Psychology News*. 2004. Vol. 15. № 1.

⁶ *Тард Г.* Социальная логика. – СПб.: Социально-психологический центр, 1996; *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. – СПб.: Речь, 2000.

Между тем, публикаций по отдельным вопросам, так или иначе интересным для исследователя эмоциональной атмосферы общества, очень много. В России за последние 30 лет количество таких работ превысило 10 тысяч. Англоязычных исследований, увидевших свет за тот же период, в несколько раз больше.

Привести сколько-нибудь исчерпывающий перечень имеющих отношение к делу книг и статей по понятным причинам невозможно. В диссертации дается пространный, но далеко не полный перечень публикаций.

Учитывая ограниченный объем реферата, упомянутый перечень исследований в нем воспроизведен быть не может. Поэтому здесь приводится сокращенный вариант этого перечня, состоящий из списка имен ученых, работы которых, по мнению автора диссертации, наиболее важны для политологической разработки проблемы эмоциональной атмосферы общества.

С неизбежной в таких случаях условностью эти имена были сведены в **шесть** крупных тематических рубрик (групп), сближающих структуру перечня со структурой диссертации⁷.

К **первой** группе были отнесены исследователи, которые рассматривают эмоциональные состояния (эмоции и настроения) в качестве характеристик массы, больших социальных групп и общества в целом, а также предлагают подходы, которые могут быть использованы для количественной оценки этих характеристик. Помимо упомянутых выше Г. Тарда и К. Левина, а также В. Бехтерева, Э. Дюркгейма, Г. Лебона, З. Фрейда, Э. Фрома и некоторых других классиков политологической, социологической и психологической мысли, к этой группе относится целый ряд современных ученых⁸: Е. Балацкий, Дж. Барбалет (J. Barbalet), М. Березин

---

⁷ Фамилии иностранных ученых, работы которых не переводились на русский язык, приводятся как в русском, так и в оригинальном написании.

⁸ Балацкий Е.В. Методы диагностики социального самочувствия населения // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 3. Barbalet, J.M. Social emotions: Confidence, trust and loyalty // The International Journal of Sociology and Social Policy. 1996. Vol. 16. № 9/10; Emotion, Social Structure and Social Theory: A Macrosociological Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; Science and emotions // Sociological Review Monograph. 2002. Vol. 50. № 1. Berezin, M. Secure states: towards a political sociology of emotion // Sociological Review Monograph. 2002. Vol. 50. № 1. Воронин Г.Л. Социальное самочувствие россиян (1994-1996-1998) // Социологические исследования. 2001. № 6. Головаха Е.И., Панина Н.В. Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС): конструирование и применению теста в массовых опросах. - Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 1997. Иванова В.А., Шубкин В.Н. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социологические исследования. 2005. № 2. Cantril, H. Patterns of Human Concerns. - New Brunswick, N.Y.: Rutgers University Press, 1965; The Psychology of Social Movements. - N.Y.:

(М. Berezin), Г. Воронин, Е. Головаха, В. Иванова, Х. Кантрил (H. Cantril), М. Красильникова, Р. Лазарус (R. Lazarus), Ю. Левада, С. Московичи, К. Муздыбаев, В. Немировский, Д. Ольшанский, Н. Панина, В. Ран (W. Ruhn) и его коллеги, Ж. де Ривера (J. de Rivera), К. Робин, П. Стёрнс (P. Stearns), Э. Тюдор (A. Tudor), Д. Ушаков, Р. Фон Люде (R. Von Luede), К. Фон Шеде, (C. Von Scheve), И. Цапенко, В. Шубкин, А. Юревич, и др.

Вторая группа представлена исследователями, в работах которых с той или иной степенью подробности рассматриваются каналы и механизмы распространения эмоций и настроений в больших социальных группах и обществе в целом. В эту группу включены, в частности⁹: Дж. Брайант, П. Бро

Transaction Publishers, 2002. *Красильникова М.Д.* Комплексная оценка динамики социальных настроений населения России. Отчет по проекту (<http://www.socpol.ru>). *Lazarus, R.S.* Emotion and Adaptation. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. *Левада Ю.А.* Проблема эмоционального баланса общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 2. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. *Муздыбаев К.* Измерение надежды // Психологический журнал. 1999. № 4. *Немировский В.Г.* Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. 2006. № 2. *Ольшанский Д.В.* Психология масс. – СПб.: Питер, 2001; Политическая психология. – СПб.: Питер, 2002. *Ruhn, W.M et al.* A Framework for the Study of Public Mood // Political Psychology. 1996. Vol. 17. № 1. *Rivera de, J.* Emotional climate: Social structure and emotional dynamics. In: K. T. Strongman (Ed.) International review of studies on emotion, Vol. 2. John Wiley and Sons, 1992. *Rivera de, J., Páez, D.* Emotional Climate, Human Security, and Cultures of Peace // Journal of Social Issues. 2007. Vol. 63. № 2. *Rivera de, J. et al.* The Emotional Climate of Nations and Their Culture of Peace // Journal of Social Issues. 2007. Vol. 63. № 2. *Робин К.* Страх. История политической идеи. – М.: Прогресс-традиция, 2007. *Stearns, P.N.* Emotional Change and Political Disengagement in the Twentieth-Century United States: A Case Study in Emotions History // Innovation: The European Journal of Social Sciences. 1997. Vol. 10. № 4. *Tudor, A.* A (macro) sociology of Fear // Sociological Review. 2003. Vol. 51. № 2. *Von Scheve, Ch., Von Luede, R.* Emotion and Social Structures: Towards an Interdisciplinary Approach // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2005. Vol. 35. № 3. *Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П.* Количественная оценка макроспсихологического состояния современного российского общества // Психологический журнал. 2007. Том 28. № 4 и др.

⁹ *Брайант, Дж., Томпсон, С.* Основы воздействия СМИ. – М.: Вильямс, 2004. *Braud, P.* L'émotion en politique: problems d'analyse. – Paris: Press de Science Po, 1996. *Banerjee, S.* Reproduction of Subjects in Historical Structures: Attribution, Identity, and Emotion in the Early Cold War // International Studies Quarterly. 1991. Vol. 35. № 1. *Gerbner, G. et al.* Growing up with television: The cultivation perspective. In: J. Bryant, D. Zillmann (Eds.) Media effects: Advances in theory and research. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2002. *Горшков М.К. и др.* Российская идентичность в социологическом измерении // ПОЛИС. 2008. № 1. *Гудков Л.Д.* Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. – М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. *Караяни А.Г.* Слухи как средство информационно-психологического противодействия // Психологический журнал. 2003. № 6. *Козырев Г.И.* «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // СОЦИС. 2008. № 1. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Психологический журнал. 2003. № 5. *Lenart, S.* Shaping political attitudes: the impact of interpersonal communication and mass media. – Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage, 1994. *McCombs, M.* Setting the Agenda. The Mass Media and Public Opinion. Cambridge, UK: Polity Press, 2004. *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. 2004. № 1. *Páez, D. et al.* Social Sharing, Participation in Demonstrations, Emotional Climate, and Coping with Collective Violence After the March 11th Madrid Bombing. Journal of Social Issues. 2007. Vol. 63. № 2. *Почебут Л.Г.* Социальные общности. Психология толпы, социума, этноса. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2005. *Раскин Д.И.* Русский национализм и проблематика культурно-цивилизационной идентичности // ПОЛИС. 2007. № 6. *Roth, D.M. et al.* National Attachment and Patriotism in a European Nation: A British Study // Political Psychology. 2005. Vol. 26. № 1. *Simon, B., Klandermans, B.* Politicized Collective Identity: A Social Psychological Analysis. In: J.T. Jost, J. Sidanius (Eds.) Political Psychology. Key Readings. – New York and Hove: Psychology Press, 2004.

(P. Braud), С. Бэнерджи (S. Banerjee), Дж. Гербнер (G. Gerbner) и его коллеги, М. Горшков и его коллеги, Л. Гудков, А. Караяни, Б. Клэндерманс, (B. Klandermans), Г. Козырев, В. Лапкин, Н. Лебедева, С. Ленарт (S. Lenart), М. Маккомб (M. McComb), П. Оакс (P. Oakes), В. Пантин, Д. Паэс (D. Pérez) и его коллеги, Л. Почебут, Д. Раскин; Д. Рот (D. Roth) и ее коллеги, Б. Саймон (B. Simon), Н. Субботина, А. Татарко, Дж. Тернер (J. Turner), П. Туотс (P. Thoits), М. Хоффман (M. Hoffman), А. Черных, Ю. Шерковин и др.

Третья группа объединяет ученых, чьи исследования ориентированы – помимо прочего – на анализ роли эмоциональных факторов в обработке политической информации, формировании политических суждений и аттитюдов, мотивов и т.д.:¹⁰ Л. Д'Амброзио (L. D'Ambrosio), Д. Бар-Тал

Субботина Н.Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе. – М.: КомКнига, 2006. *Turner, J.C., Oakes, P.* The significance of the social identity concept for social psychology with reference to individualism, interactionism and social influence // *British Journal of Social Psychology*. 1986. Vol. 25. *Thoits, P.A.* The Sociology of Emotions // *Annual Review of Sociology*. 1989. Vol. 15. *Hoffman, M.L.* Interaction of affect and cognition in empathy. In: С.Е. Izard, J. Kagan, R.B. Zajonc (Eds.) *Emotions, cognition, and behavior*. Cambridge: CUP, 1984; The contribution of empathy to justice and moral judgment (pp. 47-80). In: N. Eisenberg and J. Strayer (Eds.), *Empathy and its development*. Cambridge: CUP, 1987. *Черных А.И.* Мир современных медиа. – М.: Территория будущего, 2007; Социология массовых коммуникаций. – М.: ГУ ВШЭ, 2008. *Шерковин Ю.А.* Убеждение и внушение в массовых информационных процессах. В кн.: Е.Б. Шестопал (Сост.) *Политическая психология: Хрестоматия*. – М.: Аспект Пресс, 2007 и др.

¹⁰ *Bar-Tal, D. et al.* Collective Emotions in Conflict Situations: Societal Implications // *Journal of Social Issues*. 2007. Vol. 63. № 2. *Glaser J., Salovey, P.* Affect in Electoral Politics // *Personality and Social Psychology Review*. 1998. Vol. 2. No 3. *Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б.* Политическая психология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. *Gross, K., D'Ambrosio, L.* Framing Emotional Response // *Political Psychology*. 2004. Vol. 25. № 1. *Duckitt, J., Fisher, K.* The Impact of Social Threat on Worldview and Ideological Attitudes // *Political Psychology*. 2003. Vol. 24. № 1. *Деркач А.А., Перельгина Е.Б.* Политическая имиджелогия. – М.: Аспект Пресс, 2006. *Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Минтусов И.* Восприятие власти. Поиски ясных образов // *Власть*. 1994. № 1. *Quattrone, G.A., Tversky, A.* Contrasting Rational and Psychological Analysis of Political Choice // *The American Political Science Review*. 1988. Vol. 82. № 3. *McGrow, K.* Political Impressions: Formation and Management. In: In: Sears, D.O., Huddy, L., Jervis, R. (Eds.) *Oxford Handbook of Political Psychology*. N.Y.: Oxford University Press, 2003. *Marcus, G.* Emotions in Politics // *Annual Review of Political Science*. 2000. Vol. 3. № 1; *The Sentimental Citizen: Emotion in Democratic Politics*. University Park, PA: PSUP, 2002. *Marcus, G. et al.* The Emotional Foundation of Political Cognition: The Impact of Extrinsic Anxiety on the Formation of Political Tolerance Judgments // *Political Psychology*. 2005. Vol. 26. № 6. *Morris, J.P. et al.* Activation of Political Attitudes: A Psychophysiological Examination of the Hot Cognition Hypothesis // *Political Psychology*. 2003. Vol. 24. № 4. *Masters, R.D.* Evolutionary Biology and Political Theory // *The American Political Science Review*. 1990. Vol. 84. № 1. *Sullivan, D.G., Masters, R.D.* «Happy Warriors»: Leaders' Facial Displays, Viewers' Emotions, and Political Support // *American Journal of Political Science*. 1988. Vol. 32. № 2. *Назаретян А.П.* Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. – СПб.: Питер, 2004. *Ольшанский Д.В.* Психология масс. – СПб.: Питер, 2001; Политическая психология. – СПб.: Питер, 2002; Политико-психологический словарь. – М.: Академический Проект, 2002. *Kuklinski, J.H., Ottati, V. et al.* The Cognitive and Affective Bases of Political Tolerance Judgments // *American Journal of Political Science*, 1991. Vol. 35. № 1. *Пищева Т.Н.* «Затрудненное общение» (Барьеры в восприятии образов политиков) // *ПОЛИС*. 2002. № 5. *Пушкарева Г.В.* Политические события глазами россиян: психологические механизмы восприятия и индивидуальной интерпретации // *ПОЛИС*. 2004. № 4. *Simon, H.A.* Human Nature in Politics: The Dialogue of Psychology with Political Science // *The American Political Science Review*. 1985. Vol. 79. № 2. *Собкин В.С.* Старшеклассник в мире политики. Эмпирическое исследование. – М.: ЦСО РАО, 1997. *Собкин В.С., Ваганова М.В.* Политические лидеры России: взгляд молодежи (по материалам психосемантического эксперимента). В кн.: В.С. Собкин (Ред.) *Толерантность в подростковой среде. Труды по социологии образования*. Т.IX. Вып. XVI. – М.: Центр социологии образования РАО, 2004. *Winkielman, P., Berridge, K.* (2003) Irrational Wanting and Subrational Liking: How Rudimentary Motivational and Affective Processes Shape

(D. Bar-Tal) и его коллеги, К. Берридж (K. Berridge), Дж. Глейзер (J. Glaser), Л. Гозман, Ч. Голдберг (Ch. Goldberg), К. Гросс (K. Gross), Дж. Дакит (J. Duckitt), А. Деркач, Е. Егорова-Гатман, Дж. Куатрон (G. Quattrone), К. Макгроу (K. McGrow), Дж. Маркус (G. Marcus) и его коллеги, И. Минтусов, Дж. Моррис (J. Morris) и его коллеги, Р. Мэстерс (R. Masters) и его коллеги, А. Назаретян, Д. Ольшанский, В. Оттэти (V. Ottati) и его коллеги, Е. Перельгина, Т. Пищева, Г. Пушкарева, Г. Саймон (H. Simon), В. Собкин его коллеги, П. Сэловей (P. Salovey), А. Тверски (A. Tversky), П. Уинкелман (P. Winkelman), К. Фишер (K. Fisher), Е. Шестопап, Т. Шефф (T. Scheff), Й. Элстер (J. Elster); М. Эмирбайер (M. Emirbayer) и др.

К **четвертой** группе были отнесены ученые, работы которых представляют интерес для изучения культурных и ситуативных (политических, социально-экономических и др.) факторов, влияющих на эмоциональное состояние общества¹¹: К. Абульханова, Д. Богоявленский,

---

Preferences and Choices // *Political Psychology*. 2003. Vol. 24. № 4. *Шестопап, Е.Б.* Новые тенденции восприятия власти в России // *Политические исследования*. 2005. № 3. *Шестопап Е.Б.* (Ред.) Образы российской власти: От Ельцина до Путина. – М.: РОССПЭН, 2008. *Scheff, T.J.* Emotions, the Social Bond, and Human Reality: Part/Whole Analysis (Studies in Emotion and Social Interaction). – N.Y.: CUP, 1997. *Elster, J.* Alchemies of the Mind. Rationality and the Emotions. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. *Emirbayer, M., Goldberg, Ch.* Pragmatism, Bourdieu, and collective emotions in contentious politics // *Theory and Society*. 2005. Vol. 34. № 5/6.

¹¹ *Абульханова К.А., Воловикова М.И.* Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений // *Психологический журнал*. 2007. № 5. **Bensman, J., Vidich, A.** *Business cycles, class and personality*. In: **J. Bensman, A. Vidich (Eds.)** *The New American Society: The Revolution of the Middle Class*. Chicago: Quadrangle Books, 1971. *Богоявленский Д.Д.* Российские самоубийства и российские реформы // *Социологические исследования*. 2002. № 5. *Горбатков А.А.* Материальный и эмоциональный статус общества. К анализу кросскультурных данных // *Социологические исследования*. 2004. № 10. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *ПОЛИС*. 1997. № 4. *Inglehart, R., Abramson, P.R.* Measuring Postmaterialism // *The American Political Science Review*. 1999. Vol. 93. № 3. *Inglehart, R., Baker, W.E.* Modernization, Cultural Change, and Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. № 1. *Cassidy, T., Lynn, R.* A multifactorial approach to achievement motivation: the development of a comprehensive measure // *Journal of Occupational Psychology*. 1989. Vol. 62. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. *Leung, K., Bond, M. H.* Social Axioms: A Model for Social Beliefs in Multicultural Perspective // *Advances in Experimental Social Psychology*, Elsevier Inc. 2004. Vol. 36. *Markus, H.R., Kitayama, S.* Culture and the Self: Implications for Cognition, Emotion, and Motivation // *Psychological Review*. 1991. Vol. 98. № 2. *Matsumoto, D. et al.* The contribution of individualism vs. collectivism to cross-national differences in display rules // *Asian Journal of Social Psychology*. 1998. Vol. 1. № 2. *Назаретян А.П.* Универсальная истории и синдром «предкризисного человека» // *Цивилизации*. 2002. № 5. *Oyserman, D. et al.* Rethinking Individualism and Collectivism: Evaluation of Theoretical Assumptions and Meta-Analyses // *Psychological Bulletin*. 2002. Vol. 128. № 1. *Ракитянский Н.М.* Портретология власти: Теория и методология политического портретирования личности политика. – М.: Наука, 2004. *Рывкина Р.В.* Эгалитаризм массового сознания населения России как показатель конфликтности общества // *Общественные науки и современность*. 2006. № 5. *Stearns, P.N.* Emotional change and political disengagement in the twentieth-century United States: A case study in emotions history // *Innovation*. 1997. Vol. 10. № 4. *Страхов А.П.* Социокультурные детерминанты и общественные настроения в России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. № 1. *Триандис Г.* Индивидуализм и коллективизм: прошлое, настоящее и будущее. В кн.: Д. Мацумото (Ред.) *Психология и культура*. – СПб.: Питер, 2003. *Feldman, S.* Values, Ideology and the Structure of Political Attitudes. In: Sears, D.O., Huddy, L., Jervis, R. (Eds.) *Oxford Handbook of*

Дж. Бенсмэн (J. **Bensman**), А. Вайдич (A. **Vidich**), М. Воловикова, А. Горбатков, Р. Инглхарт и его коллеги, С. Китаяма (S. Kitayama), Т. Кэссиди (T. Cassidy), Н. Лебедева, К. Лёнг (K. Leung) и его коллеги, Р. Линн (R. Lynn), Г. Маркус (H. Markus), Д. Мацумото (D. Matsumoto) и его коллеги, А. Назаретян, Д. Ойзерман (D. Oyserman) и ее коллеги, Н. Ракитянский, Р. Рывкина, П. Стирнс (P. Stearns), А. Страхов, А. Татарко, Г. Триандис, С. Фелдман (S. Feldman), Х. Хекхаузен, Г. Хофстеде (G. Hofstede), Е. Шестопал и ее коллеги; Ш. Шварц (S. Schwartz) и др.

Пятая группа включает ученых, публиковавших теоретические и прикладные исследования, посвященные агрессии, агрессивности, и политическому насилию¹²: К. Андерсон (C. Anderson), Л. Берковиц, Б. Бушман (B. Bushman), М. Бонд (M. Bond), Л. Бэрн (L. Baron), Л. Гудков, Д. Даттон (D. Dutton) и его коллеги, Т. Дмитриева, С. Ениколопов, Д. Зиллман (D. Zillmann), Б. Капустин, Г. Козырев, Р. Коэн (R. Cohen) и его

Political Psychology. N.Y.: Oxford University Press, 2003. *Хекхаузен Х.* Психология мотивации достижения. – СПб.: Речь, 2001. *Hofstede, G.* Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Abridged Ed. – Newbury Park (CA), London, New Delhi: Sage, 1984. Шестопал Е.Б. (Ред.) Образы российской власти: от Ельцина до Путина. – М.: РОССПЭН, 2008. *Schwartz, S.H., Bilsky, W.* Toward A Universal Psychological Structure of Human Values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 53. № 3.

¹² *Anderson, C.A., Bushman, B.J.* Human aggression // Annual Review of Psychology. 2002. Vol. 53. № 1. *Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. *Bond, M.H.* Culture and Aggression – From Context to Coercion // Personality and Social Psychology Review. 2004. Vol. 8. № 1. *Baron, L., Straus, M.A.* Cultural and economic sources of homicide in the United States // Sociological Quarterly. 1988. V. 29. № 3. *Бэрн Р., Ричардсон Д.* Агрессия – СПб.: Питер, 1998. *Гудков Л.Д.* Негативная идентичность. Статьи 1997 – 2002 годов. – М.: Новое лит. обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004; Феномен негативной мобилизации // Общественные науки и современность. 2005. № 6. *Dutton, D.G. et al.* Extreme mass homicide: From military massacre to genocide // Aggression and Violent Behavior. 2006. Vol. 10. № 4. *Дмитриева Т.Б., Положий Б.С.* Психическое здоровье россиян // Человек. 2002. № 6. *Ениколопов С. Н.* Понятие агрессии в современной психологии // Практическая психология. 2001. № 1. *Zillmann, D.* Excitation transfer in communication-mediated aggressive behavior // Journal of Experimental Social Psychology. 1971. Vol. 7. №4; Hostility and Aggression. – Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1979. *Капустин Б.Г.* К понятию политического насилия // ПОЛИС. 2003. № 6. *Козырев Г.И.* «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. 2008. №1. *Cohen, R. et al.* Beyond the individual: A consideration of context for the development of aggression // Aggression and Violent Behavior. 2006. Vol. 11. № 4. *Малашенко А., Витковская Г.* (Ред.) Нетерпимость в России. Старые и новые фобии. – Москва: Моск. центр Карнеги, 1999. *Мукомель В.И.* Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. 2005. №2. *Назаретян А.П.* Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. – СПб.: Питер, 2004. *Налчаджян А.* Агрессивность человека. – СПб.: Питер, 2007. *Semelin, J.* Purify and Destroy. The Political Use of Massacre and Genocide. – London, Hurst and Co., 2007. *Скакунов Э.И.* Природа политического насилия. Проблемы объяснения // Социологические исследования. 2001. № 12. *Собкин В.С., Руднев М.Г.* Зависть: опыт социологического исследования экономического неравенства. В кн.: В.С. Собкин (Ред.) Толерантность в подростковой среде. Труды по социологии образования. Т.IX. Вып. XVI. – М.: Центр социологии образования РАО, 2004. *Солдатова Г.У.* Психологические механизмы ксенофобии // Психологический журнал. 2006. № 6. *Watts, M.W., Sumi, D.* Studies in the Physiological Component of Aggression-Related social Attitudes // American Journal of Political Science. 1979. Vol. 23. № 3. *Schoeck, H.* L'Envie. Une histoire du mal. 2-e edition. – Paris, Les Belles Lettres, 2006. *Ember, C.R., Ember, M.* War, Socialization, and Interpersonal Violence: A Cross-Cultural Study // The Journal of Conflict Resolution (1986-1998). 1994. Vol. 38. № 4.

коллеги, А. Малашенко, В. Мукомель, А. Назаретян, А. Налчаджян, Б. Положий, Д. Сами (D. Sumi), Ж. Семелин (J. Semelin), Э. Скакунов, В. Собкин и его коллеги; Г. Солдатова; М. Уаттс (M. Watts), Г. Шёк (H. Schoeck); К. Эмбер (C. Ember), М. Эмбер (M. Ember) и др.

Наконец, в – **шестой** – группе представлены авторы работ, в которых рассматриваются динамические модели агрессии и агрессивности, базирующиеся на теориях «фрустрации – агрессии» и относительной депривации, исследуются элементы понятийного аппарата для таких моделей, описываются количественные показатели, необходимые для их построения¹³: А. Аузан, С. Ахмед (S. Ahmed), С. Баранов, А. Басс (A. Buss), Л. Берковиц (L. Berkowitz), Л. Бороздина, С. Браш (S. Brush), Т. Гурр (T. Gurr), Э. Генри (A. Henry), Дж. Дэйвис (J. Davies), С. Ениколопов, Е. Залученова, Е. Зинько, Ю. Левада, М. Олсон (M. Olson, 1963); М. Перри (M. Perry), Т. Петтигрю (T. Pettigrew), У. Рансимен (W. Runciman), Ф. Робайе (F. Robaye), Р. Сирс (R. Sears), И. Уолкер (I. Walker), Э. Фостер (A. Foster), С. Хантингтон (2004), К. Ховланд (C. Hovland), С. Чандра (S. Chandra), Ф. Шор (F. Shor) Дж. Шорт (J. Short) и др.

---

¹³ Аузан А.А. Кризис ожиданий и варианты социального контракта // *Общественные науки и современность*. 2004. № 5. Ahmed, S. Factors affecting frustrating and aggression relationships // *Journal of Social Psychology*. 1982. Vol. 116. № 2. Баранов С.Д. Экспектационная структура // *ПОЛИС*. 2000. № 2. Buss, A., Perry, M. The aggression questionnaire // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. V. 63. № 3. Berkowitz, L. Frustrations, Appraisals, and Aversively Stimulated Aggression // *Aggressive Behavior*. 1988. Vol. 14. № 1; Frustration-aggression hypothesis: Examination and reformulation // *Psychological Bulletin*. 1989 Vol. 106. № 1. Бороздина Л.В., Залученова Е.А. Увеличение индекса тревожности при расхождении уровней самооценки и притязаний // *Вопросы психологии*. 1993. № 1. Brush, S.G. Dynamics of Theory Change in the Social Sciences: Relative Deprivation and Collective Violence // *The Journal of Conflict Resolution*. 1996. Vol. 40. № 4. Gurr, T. A Causal Model of Civil Strife: A Comparative Analysis Using New Indices // *The American Political Science Review*. 1968. Vol. 62. № 4. Гурр Т. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. Henry, A.F., Short, J.F., Jr. Suicide and homicide: some economic, sociological and psychological aspects of aggression. New York, Glencoe, Ill.: Free Press, 1954. Davies, J.C. Towards a Theory of Revolution // *American Sociological Review*. 1962. Vol. 27. № 1. Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики А. Басса и М. Перри // *Психологический журнал*. 2007. № 1. Зинько Е.В. Соотношение характеристик самооценки и уровня притязаний. Часть 1. Самооценка и ее параметры // *Психологический журнал*. 2006. № 3; Соотношение характеристик самооценки и уровня притязаний. Часть 2. Уровень притязаний и варианты его сочетаний с самооценкой // *Психологический журнал*. 2006. № 4. Левада Ю.А. «Человек ограниченный»: уровни и рамки притязаний // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2000. № 4. Olson, M. Rapid Growth as a Destabilizing Force // *The Journal of Economic History*. 1963. Vol. 23. № 4. Runciman, W.G. Relative Deprivation and Social Justice: A Study of Attitudes to Social Inequality in Twentieth-Century England. – Aldershot, Gregg Revivals, 1993. Robaye, F. Niveaux d'aspiration et d'expectation. – Paris: Presses univ. de Paris, 1957. Walker, I., Pettigrew, T. Relative Deprivation theory: an overview and conceptual critics // *British Journal of Social Psychology*. 1984. Vol. 23. № 4. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. Hovland, C.I., Sears, R.R. Minor studies of aggression: Correlations of lynchings with economic indices. *Journal of Psychology*. 1940. Vol. 9. Chandra, S., Foster, A.W. The «Revolution of Rising Expectations», Relative Deprivation, and the Urban Social Disorders of the 1960s // *Social Science History*. 2005. Vol. 29. № 2. Shor, F. Utopian Aspirations in the Black Freedom Movement: SNCC and the Struggle for Civil Rights, 1960-1965 // *Utopian Studies*. 2004. Vol. 15. № 2.

Работы указанных ученых содержат очень много продуктивных идей, теоретических подходов и эмпирических данных, использование которых необходимо как для продолжения исследования вопросов, рассмотренных в диссертации, так и для изучения проблем, которые в данной работе были лишь упомянуты, но не исследованы (например, специфика асинхронности изменения отдельных составляющих эмоциональной атмосферы и эффект влияния асинхронности на политические процессы, внутренняя структура и механизмы изменения таких компонент эмоциональной атмосферы, как оптимизм/пессимизм, интенсивность социальной и политической идентичности и т.д.).

Разумеется, объединение в одном исследовании идей и подходов, созданных в разных научных традициях и сформулированных на разных научных языках, сталкивается со значительными трудностями.

Однако, как показывает опыт данной работы, концепция эмоциональной атмосферы общества создает хорошие возможности для политологического синтеза данных различных наук.

Объект, предмет, цели и задачи исследования

Объектом настоящего исследования являются эмоциональные факторы политического поведения.

Предметом исследования служит эмоциональная атмосфера общества, понимаемая как *система* этих факторов, существующая не только на групповом, но и на социетальном уровне.

Цель исследования: разработка концепции эмоциональной атмосферы общества, ориентированной на нужды теоретического и прикладного анализа политических явлений.

Выбор цели исследования обусловлен тем, что концепция эмоциональной атмосферы общества, по мнению автора диссертации, акцентирует внимание на факте *постоянного* воздействия эмоций на политические процессы и тем самым позволяет лучше понять сложный системный эффект присутствия многообразных эмоциональных факторов в сфере политики.

Основные задачи исследования:

- уточнение содержания концепции «эмоциональная атмосфера общества», ориентированной на нужды политологических исследований;
- описание основных факторов и механизмов формирования эмоциональной атмосферы общества;
- описание минимального набора составляющих эмоциональной атмосферы общества, которые могли бы быть количественно оценены на основе информации, получаемой с помощью социологических исследований, этого основного способа сбора первичной информации для анализа политического поведения больших групп и общества в целом;
- демонстрация возможности разработки показателей, измеряющих системные свойства эмоциональной атмосферы общества (на примере показателя ее однородности/неоднородности);
- более или менее подробное рассмотрение *одной* из компонент эмоциональной атмосферы общества – агрессивной составляющей¹⁴;
- построение гипотетической объяснительной модели динамики общественной агрессивности, порождаемой фрустрационными процессами.

Методология исследования

Данная диссертация ориентирована на разработку объясняющих гипотез и поиск показателей, позволяющих сделать эти гипотезы проверяемыми эмпирически.

Важнейшими методологическими принципами, на которые опирался автор диссертации, являлись:

- абдукция (по Ч.С. Пирсу)¹⁵ как основная логика разработки и выбора объяснительных гипотез;
- недопущение оценочных суждений (по М. Веберу)¹⁶ и существование процедуры измерения того или иного свойства исследуемого объекта в

---

¹⁴ Акцент, сделанный в диссертации на один, а не несколько составных элементов эмоциональной атмосферы обусловлен, прежде всего, ограничениями на объем работы и никак не умаляет значимости других ее компонент.

¹⁵ Помимо прочего, абдукция предполагает, что: (а) основанием для выработки гипотезы служат наблюдения; (б) «предпочтение в пользу какой-то одной гипотезы перед другими, равно объясняющими рассматриваемые факты» не основывается ни на каком предшествующем знании, (с. 303); так что «весь вопрос о том, какую единственную из всех возможных гипотез необходимо выбрать, становится исключительно вопросом экономии» (с. 307); (в) выбранная гипотеза проходит эмпирическую проверку, успешность которой дает основание полагать, что гипотеза верна (с. 304-316). (Пирс Ч.С. Начала прагматизма. – СПб, Алетейя, 2000).

¹⁶ Вебер М. (2006) Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке (с. 415-452) // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 2006.

качестве критерия существования данного свойства¹⁷ как требования к содержанию теоретических конструкций;

– допустимость эмпирического опровержения выдвигаемых положений (фальсифицируемость по К. Попперу)¹⁸ как критерий их научности.

Сложность изучаемого явления обусловила междисциплинарный характер исследования: анализ эмоциональной атмосферы общества проводился с помощью идей и подходов, выработанных различными науками (политологией, социологией, психологией, социальной психологией, политической психологией) и адаптируемых к целям и задачам данной работы.

Краткий перечень теорий и идей, сыгравших для данной диссертации роль ключевых, таков¹⁹: нео-институционализм (*Дж. Марч, Й. Олсен*); теория «социальной системы чувств» (*Г. Тард*); теория эмоциональной атмосферы/эмоционального климата, теория поля, теория уровня притязаний, теория мотивации и пр. (*К. Левин*); психология массы (*Г. Лебон, З. Фрейд*); модель человеческого поведения в периоды революций (*П. Сорокин*); теории эмоционального заражения, эмпатии (*В. Бехтерев, Г. Салливан, М. Хоффман*); теория (гипотеза) культивации (*Дж. Гербнер и его коллеги*); идея сетевой структуры идентичности (*Ш. Страйкер*); идея связи между перекрестными (crosscutting) политическими принадлежностями и политической стабильностью (*С. Липсет*); методы количественной оценки неоднородности множества по заданным критериям (*Ф. Алескеров, Дж. Гринберг, Х. Эстебан, Д. Рей, Дж. Феарон и др.*); теория дифференциальных эмоций (*К. Изард*); Общая модель агрессии (*К. Андерсон и его коллеги*); определение агрессии, модель «фрустрация – агрессия» (*Дж. Доллард и его коллеги*); модифицированная модель «фрустрация – агрессия», теория когнитивного неоассоционизма (*Л. Берковиц*); теория

---

¹⁷ Данный принцип представляет собой модификацию фундаментального положения конструктивной логики и математики, согласно которому объект считается существующим, если его построение потенциально осуществимо (Марков А. Конструктивное направление в математике и логике // *Философская энциклопедия*. В 5 т. Т. 3. – М.: Сов. энциклопедия, 1964). Blackburn, S. *The Oxford Dictionary of Philosophy*. 2-d ed. – Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 76).

¹⁸ Поппер К. *Логика научного исследования*. М.: Республика, 2005. С. 71-84; *Предположения и опровержения: Рост научного знания*. – М.: АСТ, 2004. С. 423-430.

¹⁹ Идеи и имена указываются в порядке, максимально близком к порядку их упоминания в диссертации.

уровней притязаний и ожиданий (*Ф. Робайе*); теория референтных групп, теория относительной депривации, теория типов социальной адаптации (*Р. Мертон*); теория относительной депривации (*У. Рансимен*); «закон Токвиля» (*А. Токвиль*), модели, связывающие агрессию и политические, экономические и социальные трансформации (*М. Олсон, С. Хантингтон*); политико-психологические модели социального насилия (*Дж. Дэйвис, Т. Гарр*); теоретические и эмпирические модели влияния культуры на мотивации (*Р. Инглхарт, Д. Мацумото, Г. Триандис, Г. Хофстеде* и др.); типология идентичностей; описание связи экономической динамики с циклами агрессивности и депрессивности на социетальном уровне (*Э. Дюркгейм*); демонстрация качественно различного воздействия экономического спада на динамику агрессивности в разных субкультурах американского общества (*Э. Генри и Дж. Шорт*); теория мотивации достижения (*Г. Мюррей, Дж. Аткинсон, Д. Макклелланд*); многокомпонентная модель мотивации достижения (*Т. Кэссиди и Р. Линн*); методология и результаты социологического мониторинга эмоционального состояния российского общества (*Ю. Левада и его коллеги*); методология и результаты социологического исследования трудовых мотиваций в России (*В. Магун*); методология и результаты комплексного социологического исследования идентичности в российском обществе (*М. Горшков и его коллеги*) и др.

Использование междисциплинарного подхода к изучению эмоциональной атмосферы общества не означает, однако, что в диссертации отсутствует единый, структурообразующий принцип исследования. Таким принципом является интерпретация всех используемых в работе понятий, исследовательских инструментов и концепций *под политологическим углом зрения, то есть с точки зрения (а) их интегрируемости в систему политологического знания и (б) возможности их измерения с помощью информации, используемой в политологии.*

Порой адаптация заимствуемых из других наук концепций к специфике политологического исследования приводила к их существенному огрублению. Это особенно заметно в случае психологических идей, которым в силу тематики данной работы было уделено очень много внимания.

Наиболее яркие примеры огрубления – группировка факторов и механизмов, порождающих агрессивные эмоции, сделанная на базе классификации, предложенной К. Андерсоном и его коллегами в Общей модели агрессии²⁰ и «политологизированный» вариант теории уровней притязаний и ожиданий Ф. Робайе.

Впрочем, как представляется автору диссертации, избежать огрубления психологических идей и подходов в политологическом исследовании было невозможно – хотя бы по той причине, что политологический взгляд на вещи куда менее деликатен, чем взгляд психологический.

Среди основных методов исследования, применявшихся в данной диссертации, следует упомянуть:

- логический анализ теоретических концепций;
- предложенный М. Вебером метод конструирования «идеальных типов»²¹;
- графический анализ временных рядов, построенных по данным социологических опросов и государственной статистики²².

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составляют данные:

- социологических исследований политического сознания различных групп российского населения, проведенных автором диссертации в 1986-2006 годах;
- опросов Левада-центра «Мониторинг социальных и экономических перемен» за 1993-2007 годы;
- опросов Института социологии РАН за 1998-2007 годы;
- опросов ВЦИОМ за 2003-2008;
- опросов Р. Инглхарта (World Values Survey) за 1995 и 1997 годы;

---

²⁰ Anderson, C.A., Bushman, B.J. Human aggression // Annual Review of Psychology. 2002. Vol. 53. № 1. В более ранних работах авторы модели предпочитали называть ее «Общей моделью аффективной агрессии». См., например: Lindsay, J.A., Anderson C.A. From antecedent conditions to violent actions: A general affective aggression model // Personality and Social Psychology Bulletin. 2000. Vol. 26. № 5.

²¹ Вебер М. Избранное. 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 2006. С. 467. В диссертации этот метод применялся, в частности, при разработке типологии однородности / неоднородности эмоциональной атмосферы, а также при операционализации понятий «развитого» и «относительно неразвитого» достигательного поведения для гипотетической модели фрустрационных процессов.

²² Использование статистических методов – корреляционный, регрессионный анализ и пр. – было затруднено недостаточным для этих методов числом элементов каждого временного ряда (самый длинный ряд включал 89 элементов, самый короткий – 8).

- исследования В.С. Магуна «Динамика трудовых ценностей российских работников: 1991-2004 гг.»;
- Федеральной службы государственной статистики РФ за 1992-2006 годы;
- Бюро переписей США (U.S. Census Bureau) за 1960-2002 годы.

Научная новизна исследования

В диссертации впервые в научной литературе сделано следующее.

1. Под политологическим углом зрения проведен комплексный анализ феномена эмоциональной атмосферы общества:

- дана трактовка концепции эмоциональной атмосферы, ориентированная на анализ политических явлений;
- описаны основные факторы и механизмы формирования эмоциональной атмосферы общества;
- предложен набор ее важнейших компонент, большая часть которых поддается оценке с помощью социологического инструментария;
- разработана процедура оценки такой системной характеристики эмоциональной атмосферы общества, как ее однородность / неоднородность;
- намечены пути согласования концепции эмоциональной атмосферы общества с теорией рационального поведения;

2. Выделены основные компоненты агрессивной составляющей эмоциональной атмосферы общества, существенные для исследования политических процессов.

3. Разработан понятийный аппарат для политологического анализа фрустрационных процессов, позволяющий:

- уточнить и формализовать различия между фрустрацией и относительной депривацией;
- идентифицировать два типа фрустрационных процессов, важных для понимания политических ситуаций, но не выявляемых в рамках существующих сегодня теорий: токвилев и стрессовый процессы.

4. Сформулирована гипотеза, описывающая условия и механизмы развертывания и торможения токвилевых и стрессовых процессов (иначе говоря, описаны ограничения на действие закона Токвиля).

5. Рассмотрено развитие токвилева фрустрационного процесса в постсоветской России.

Положения, выставляемые на защиту

1. Смысл концепции «эмоциональная атмосфера общества» состоит в объединении в единую систему наличествующих в обществе эмоций и настроений, которые «окутывают» членов данного общества. Понимаемая таким образом, эмоциональная атмосфера общества является элементом социальной реальности, существенным образом влияющим на политическое поведение на индивидуальном, групповом и социетальном уровнях. Это влияние осуществляется в процессе взаимодействия эмоциональной атмосферы с другими элементами социальной реальности, которые Р. Мертон свел в свое время в два блока, назвав культурной и социальной структурами общества.

К рассмотренным в диссертации основным факторам формирования эмоциональной атмосферы общества относятся: (а) свойство человека «заражаться» чужими эмоциями; (б) события, процессы и социальные институты-«настройщики» (термин Г. Тарда), то есть источники психологических стимулов, действующие одновременно на все общество или на его значительную часть и работающие в качестве синхронизаторов настроений членов общества; (в) факторы, «ответственные» за неоднородность эмоциональной атмосферы (сложные виды восприятия, идентичности и т.д.). Факторы формирования эмоциональной атмосферы общества могут быть операционализированы и описаны в научных терминах.

По мнению автора диссертации, в состав минимального набора компонент эмоциональной атмосферы общества в первом приближении могут быть включены: общая удовлетворенность / неудовлетворенность жизнью; оптимизм / пессимизм; чувство уверенности / неуверенности в себе; уровень агрессивности (интенсивность агрессивных эмоций); уровень тревожности (интенсивность тревог, страхов); интенсивность социальной идентичности / уровень доверия к социуму в целом. Большинство компонент и системных характеристик эмоциональной атмосферы общества поддается количественной оценке с помощью показателей, получаемых путем социологических опросов.

Концепция эмоциональной атмосферы общества достаточно легко согласуется с теорией рационального поведения *homo politicus*'а и может помочь реалистичнее разграничить состояния общества, в которых применение этой теории не вызывает сомнений, и состояния, при которых ее использование требует существенной осторожности и оговорок.

2. Компонентами агрессивной составляющей эмоциональной атмосферы общества в диссертации предлагается считать:

– с *содержательной точки зрения* – негативные эмоции, имеющие в качестве мотивационной компоненты установку на нападение (в отличие от установки на бегство); примерами таких эмоций могут служить гнев, зависть, обида, отвращение, презрение;

– по *критерию продолжительности* – и краткие, импульсивные эмоциональные реакции, и достаточно длительные эмоциональные состояния (настроения), составляющие эмоциональный фон поведенческой агрессии.

3. К числу важнейших факторов, определяющих динамику агрессивной составляющей эмоциональной атмосферы общества, относятся фрустрационные процессы.

Предлагаемый в диссертации понятийный аппарат позволяет описать эти процессы как выход величины разрыва между уровнем притязаний («хочу») и уровнем ожиданий («могу») за верхнюю границу некоторой принятой в данном обществе нормы – верхнюю границу ситуации «принятия вызова».

При политологическом исследовании агрессивности общества целесообразно разграничивать два вида фрустрационных процессов, различающихся по базовым условиям и механизмам развертывания – токвилев и стрессовый процессы.

В терминах, предлагаемых в диссертации, *токвилев* процесс может быть описан как результат опережающего роста уровня притязаний («хочу») относительно уровня ожиданий («могу»), происходящего на фоне *роста* уровня достижений («имею»).

Стрессовый процесс представляется следствием ускоренного снижения уровня ожиданий («могу») по сравнению с уровнем притязаний («хочу»), происходящего на фоне снижения уровня достижений («имею»).

4. Гипотетическая модель развертывания и торможения токвилевых и стрессовых процессов такова. Склонность сообщества к тому или иному виду фрустрационных процессов связана с развитостью/неразвитостью в нем достижительного поведения:

– в сообществах с развитым достижительным поведением вероятность развертывания стрессового процесса заметно превышает вероятность развертывания токвилевого процесса;

– в сообществах со слабым развитием достижительного поведения соотношение вероятностей развертывания этих процессов будет обратным.

Развитость/неразвитость достижительного поведения является коррелятом зрелости/незрелости «современной (индустриальной)» (по Р. Инглхарту) культуры. Это, в частности, означает, что в зрелых индустриальных обществах рост массовой агрессивности более вероятен при ухудшении экономической ситуации и менее вероятен в условиях ее улучшения. Между тем, в сообществах, находящихся на начальных этапах модернизации или выхода из тоталитаризма, будет иметь место обратная ситуация: здесь рост массовой агрессивности более вероятен на фоне улучшения экономической ситуации и менее вероятен на фоне ее ухудшения.

Учет данного обстоятельства важен при решении задач прикладного политического анализа и прогнозирования.

5. Приведенные в диссертации данные различных социологических исследований и статистические показатели:

– свидетельствуют о том, что современное российское общество характеризуется относительной неразвитостью достижительного поведения (по сравнению, например, со странами «Большой семерки») и склонностью к токвилевым/нескопным к стрессовым фрустрационным процессам;

– говорят в пользу гипотезы о зависимости характера фрустрационного процесса от уровня зрелости достижительного поведения.

Апробация результатов исследования

Изложенные в диссертации подходы к анализу влияния эмоциональной атмосферы общества на политические процессы апробировались и совершенствовались автором в течение более чем пятнадцатилетней

практики составления политических прогнозов для органов государственной власти России, частных корпораций и общественных организаций.

Основные идеи диссертации:

– опубликованы в книгах «Эмоции в политическом поведении» и «Современная Россия: вызовы и ответы», а также в ряде научных статей²³;

– обсуждались на российских и международных конференциях, на заседаниях научного семинара факультета прикладной политологии ГУ-ВШЭ и на кафедре прикладной политологии данного факультета;

– включены в курс «Введение в политологию», читаемый автором диссертации на факультете прикладной политологии ГУ-ВШЭ.

Работа прошла обсуждение и рекомендована к защите кафедрой прикладной политологии факультета прикладной политологии Государственного университета – Высшая школа экономики (14 мая 2008 года, Протокол № 11) и кафедрой политических наук факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (18 июня 2008 года, Протокол № 9).

Практическая значимость исследования

Практическая значимость исследования связана с операционализацией концепций эмоциональной атмосферы общества и ее агрессивной составляющей, с разработкой моделей фрустрационных процессов в сообществах с разным уровнем зрелости индустриальной культуры, а также с применением этих моделей для анализа и прогнозирования политической ситуации.

---

²³ Урнов М.Ю. Насколько мы готовы к демократии? (Статья 1 // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 4; Статья 2 // Рабочий класс и современный мир, 1990, № 2). Урнов М.Ю. Освобождаясь от авторитаризма // ПОЛИС. 1991. № 1. Урнов М.Ю. К анализу политического сознания народных депутатов (по материалам социологического исследования // Рабочий класс и социальный прогресс. 1993. – М.: Наука, 1993. Урнов, М., Mirza, H., Butler, R. Managerial Ideologies: A Russian and British Comparison // International Business Review, 1993, Vol. 2, № 3. Урнов М.Ю. Некоторые факторы адаптации российского общества к ситуации после августовского кризиса 1998 г. // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 1999. № 2. Урнов М.Ю. Новые жизненные реальности и их отражение в общественном сознании: механизмы обеспечения социальной стабильности. В кн.: Россия: поиск пути. М.: Научная книга, 1999. Урнов М.Ю., Касамара В.А. Современная Россия: вызовы и ответы. – М.: ФАП «Экспертиза», 2005. Урнов М.Ю. Эмоциональная атмосфера общества как объект политологического исследования: постановка проблемы. Препринт WP14/2007/01. – Москва: ГУ ВШЭ, 2007. Урнов М.Ю. Эмоциональная атмосфера общества как объект политологического исследования (Статья 1 // Общественные науки и современность. 2007. № 2; Статья 2 // Общественные науки и современность. 2007. № 3; Статья 3 // Общественные науки и современность. 2007. № 4). Урнов М.Ю. Динамика массовой агрессивности в сообществах с различным уровнем развития достигательного поведения (Статья 1 // Общественные науки и современность. 2008. № 4; Статья 2 // Общественные науки и современность. 2008. № 5). Урнов М.Ю. Эмоции в политическом поведении. – М.: Аспект-Пресс, 2008.

Результаты исследования могут использоваться:

- для нужд политического планирования на общенациональном и региональном уровнях;
- при разработке и оценке эффективности предвыборных кампаний, политических программ, PR стратегий государственных и частных организаций, и т.п.;
- в практике политического консалтинга;
- в научных исследованиях политического поведения, политических конфликтов;
- при подготовке курсов теоретических и прикладных учебных дисциплин политологического цикла для студентов и аспирантов вузов.

Структура работы

Диссертация состоит из введения; пяти глав и заключения, в которых изложено основное содержание работы; списка использованной литературы и шести приложений.

II. Основное содержание работы

Введение

Во Введении обосновывается актуальность работы; характеризуется состояние научной разработанности темы; формулируется объект, предмет, цели и задачи исследования; описывается его методологическая основа, научная новизна и практическая значимость; формулируются положения, выставляемые на защиту.

Глава 1. Эмоциональная атмосфера общества – общая характеристика

В данной главе с опорой на идеи Г. Тарда и К. Левина вводится понятие эмоциональной атмосферы общества, ориентированное на нужды политологических исследований; рассматриваются факторы и механизмы ее формирования; перечисляются ключевые компоненты эмоциональной атмосферы общества, которые могут быть отслеживаемы с помощью измеряемых показателей, а также демонстрируются возможности разработки показателей, пригодных для оценки ее системных характеристик.

Параграф 1.1. Эмоциональная атмосфера общества – уточнение понятия

Под термином «эмоциональная атмосфера общества» в диссертации понимается сложное образование, обладающее системными свойствами и

состоящее из множества взаимодействующих между собой элементов. Значительная часть этих элементов имеет «фонный» характер и потому зачастую плохо ощущается «изнутри».

Эмоциональную атмосферу общества возможно описать целым рядом способов.

В *статике* она может быть представлена, например, как совокупность всех эмоциональных воздействий, оказываемых на членов данного общества.

Эмоциональные воздействия на человека со стороны социальной среды обладают многими характеристиками и потому поддаются самым разнообразным видам группировки.

Одна из возможных группировок основана на таких характеристиках информационного сигнала, как *сила* и *направленность*²⁴.

По этим критериям эмоциональные воздействия можно с большой долей условности свести в четыре группы:

- сильные направленные воздействия («промывание мозгов», интенсивная пропаганда в условиях жесткого государственного контроля над СМИ, дополняемого информационным «железным занавесом» и пр.);
- сильные ненаправленные воздействия (например, эффект толпы);
- слабые направленные воздействия (случайная беседа на малозначимую для получателя воздействия тему и т.п.);
- слабые ненаправленные воздействия (например, выражения лиц, интонации, пластика окружающих и другие подобные сигналы, поступающие к человеку, идущему по своим делам по улице, едущему в метро и пр.).

Слабые ненаправленные воздействия образуют наименее ощутимую, но предельно важную составляющую эмоциональной атмосферы, ее тончайшую ткань, «эмоциональный эфир», в который погружен человек, находящийся в социуме. На присутствие этого «эфира» и делает акцент слово «атмосфера».

Еще один способ описания эмоциональной атмосферы общества в *статике* сводится к представлению ее в виде совокупности взаимосвязанных разнообразных эмоциональных состояний, образующих кластеры-«микроклиматы», границы которых далеко не всегда совпадают с границами

---

²⁴ Под направленностью здесь понимается адресованность сигнала данному индивиду / группе.

социально-демографических групп и которые сами выступают порой в роли группообразующих факторов.

В динамике эмоциональная атмосфера может быть описана как системное единство всех пропитывающих общество эмоциональных процессов, обладающих разными темпами изменения.

Параграф 1.2. Факторы и механизмы формирования эмоциональной атмосферы общества

Из множества факторов и механизмов формирования эмоциональной атмосферы общества в данном параграфе рассматриваются:

- Свойство человека «заражаться» чужими эмоциями – необходимое «со стороны индивида» условие существования эмоциональной атмосферы общества.

- События, процессы и социальные институты-«настройщики» (термин Г. Тарда), то есть источники психологических стимулов, действующие одновременно на все общество или на его значительную часть и работающие в качестве синхронизаторов настроений членов общества – необходимое «со стороны общества» условие существования эмоциональной атмосферы.

- Факторы, «ответственные» за неоднородность эмоциональной атмосферы общества.

Свойство человека «заражаться» чужими эмоциями описывается в психологии двумя в какой-то мере схожими терминами: эмоциональное заражение и эмпатия²⁵. В параграфе подчеркивается, что эффект эмоционального заражения проявляется не только в условиях толпы или иных «сильных» воздействий, но и в результате слабых, ненаправленных эмоциональных взаимодействий.

К числу социальных «настройщиков» эмоциональной атмосферы общества в данном параграфе отнесены общественные ритуалы, войны, экономические циклы и иные регулярные процессы и нерегулярные события, создающие у членов общества переживание, которое К. Левин называл

---

²⁵ См., например: *Еникеев М.И.* Энциклопедия. Общая и социальная психология. – М.: ПРИОР, 2002. С. **528**. *Столтенд Э.* Эмпатия. В кн.: Р Корсини, А. Ауэрбаха (Ред.) Психологическая энциклопедия. 2-е изд. – СПб.: Питер. 2006. С. **1022**. *Davis, M.* Empathy: a social psychological approach. – Boulder, Colorado: Westview Press, 1996. P. 9. *Hoffman, M.L.* The contribution of empathy to justice and moral judgment. In: N. Eisenberg and J. Strayer (Eds.), Empathy and its development. Cambridge: CUP, 1987. P. **47-80**. *Sullivan, H.S.* The Interpersonal Theory. In: W.S. Sahakian (Ed.) Psychology of Personality: Readings in Theory. – Chicago: Rand McNally College Publishing Company, 1965. P. 151.

чувством общности (взаимосвязанности) судьбы²⁶; а также такие институты, как церковь, образовательные учреждения и СМИ (благодаря развитию ТВ последние превратились в важнейший институт-«настройщик» современного общества).

Из числа факторов, ответственных за неоднородность эмоциональной атмосферы общества, в параграфе описываются (а) сложные виды восприятия и (б) идентичности.

Говорится, что к сложным видам восприятия можно, в частности, отнести описанные М. Хоффманом эмпатические реакции, включающие использование абстрактных понятий, вербальных оценок, контекстов и пр. Эти процессы ответственны за появление у реципиента информации многообразных ответных реакций, отличающихся от эмоций источника информации и по содержанию, и по интенсивности²⁷.

В параграфе рассматриваются современные трактовки идентичности (включая политическую идентичность). Подчеркивается, что от структуры идентичности человека существенно зависит его интерпретация социальной действительности²⁸, а тем самым и эмоциональные реакции на эту действительность. Описываются системные свойства совокупности идентичностей членов данного общества, способные усиливать/ослаблять разнообразие эмоциональной атмосферы.

Параграф 1.3. Компоненты эмоциональной атмосферы общества

В параграфе предлагается следующий минимальный набор компонентов для модели эмоциональной атмосферы общества, ориентированной на нужды политологических исследований:

- общая удовлетворенность / неудовлетворенность жизнью;
- оптимизм / пессимизм;
- чувство уверенности / неуверенности в себе;
- уровень агрессивности (интенсивность агрессивных эмоций);
- уровень тревожности (интенсивность тревог, страхов);

²⁶ Левин К. Разрешение социальных конфликтов. – СПб.: Речь, 2000, с. 319, 345.

²⁷ См., например, Stotland, E., Sherman, S., Shaver, K. Empathy and birth order: some experimental explorations. – Lincoln, Nebraska: University of Nebraska Press, 1971. Vaughan, K.B., Lanzetta, J.T. Vicarious instigation and conditioning of facial expressive and autonomic responses to a model's expressive display of pain // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. Vol. 38. № 6.

²⁸ Markus, H. Self-Schemata and Processing of Information about the Self // Journal of Personality and Social Psychology. 1977. Vol. 38. № 1.

- интенсивность социальной идентичности / уровень доверия к социуму в целом.

По мнению автора диссертации, этот набор представляет собой не более чем первое приближение к построению эмпирической модели эмоциональной атмосферы общества. Работа над конкретным материалом (формулировка вопросов, анализ количественных социологических данных и пр.), скорее всего, повлечет за собой изменения (увеличение или уменьшение) числа предлагаемых компонентов и корректировку их названий.

Параграф 1.4. Однородность / неоднородность эмоциональной атмосферы общества

В параграфе рассматривается одна из важнейших системных характеристик эмоциональной атмосферы общества – степень (уровень) и характер ее однородности / неоднородности. Подчеркивается, что интегральная оценка уровня однородности / неоднородности может быть получена с помощью хорошо известных индексов фрагментированности и поляризации²⁹, однако эти индексы ничего не говорят о характере (структурных свойствах) неоднородности эмоциональной атмосферы.

В диссертации предлагается оценивать структуру однородности / неоднородности исследуемого явления с помощью *кривой распределения кластеров-«микроклиматов»*³⁰. Автор диссертации полагает, что для облегчения политологической интерпретации эмпирических кривых их целесообразно сопоставлять с априорно сконструированными кривыми, отражающими «идеальные типы» состояний эмоциональной атмосферы общества. В диссертации описываются следующие важные с политологической точки зрения «идеальные типы» (состояния) эмоциональной атмосферы общества: «стабильная плюралистическая ситуация», «единство (в порыве или безразличии)», «поляризация», «атомарность».

---

²⁹ См., например: Fearon, J. Ethnic Structure and Cultural Diversity by Country // Journal of Economic Growth. 2003. Vol. 8. № 2. Greenberg, J. H. The Measurement of Linguistic Diversity // Language (Journal of Linguistic Society of America). Vol. 32. № 1; Esteban J.M., Ray D. On the Measurement of Polarization // Econometrica. 1994. Vol. 62. № 4 и др.

³⁰ Предлагаемая процедура построения *кривой распределения* кластеров-«микроклиматов» представляет собой обобщение на многомерный случай подхода, разработанного Ф. Алескеровым и М. Голубенко для оценки поляризованности политических взглядов общества в ситуации, когда эти взгляды можно упорядочить по шкале «левые – правые» (Алескеров Ф.Т., Голубенко М.А. Об оценке симметричности политических взглядов и поляризованности общества. Препринт WP7/2003/04 – М.: ГУ-ВШЭ, 2003).

Помимо однородности / неоднородности эмоциональной атмосферы общества в параграфе упоминаются еще две ее системные характеристики, нуждающиеся, по мнению диссертанта, в количественном анализе: асинхронность изменений различных компонент эмоциональной атмосферы и различия в дисперсиях отдельных содержательных компонент эмоциональной атмосферы.

Глава 2. Агрессивная составляющая эмоциональной атмосферы общества

Данная глава посвящена агрессивной компоненте эмоциональной атмосферы общества (агрессивным эмоциям), а также важным с политологической точки зрения факторам и механизмам, порождающим агрессивные эмоции.

Параграф 2.1. Агрессивные эмоции – уточнение понятия

В параграфе отмечается, что, несмотря на массу работ, посвященных агрессии, вопрос о том, что такое агрессивные эмоции, остается без четкого ответа. Часто агрессивные эмоции определяют через поведенческую агрессию – как «эмоциональные реакции, связанные с агрессивным поведением»³¹. Между тем, по мнению автора диссертации, существуют обстоятельства, делающие ссылку на привязанность к агрессивным действиям недостаточной для выявления специфики агрессивных эмоций. Эти обстоятельства таковы: (а) существование «инструментальной» агрессии, то есть агрессии, лишенной эмоциональной насыщенности; (б) возможность стимулирования агрессии негативными эмоциями, обладающими мотивационной компонентой, не соответствующей поведенческой агрессии (например, страхом с характерной для него установкой на бегство), (в) возможность сопровождения поведенческой агрессии позитивными эмоциями³². Сказанное вызывает необходимость уточнить характеристики агрессивных эмоций.

В *содержательном отношении* агрессивные эмоции предлагается определить как негативные эмоции, имеющие в качестве мотивационной компоненты установку на нападение (в отличие от установки на бегство).

---

³¹ См., например: Anderson, C.A., Berkowitz, L., Donnerstein, E., Huesmann, L.R., Johnson, J.D., Linz, D., Malamuth, N.M., Wartella, E. The influence of media violence on youth // Psychological Science in the Public Interest. 2003. Vol. 4. № 3. P. 83.

³² См., например: Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. С. 33, 82.

Основываясь на работах Л. Берковица, Т. Гарра, К. Изарда, Р. Лазаруса, К. Левина, П. Фресса, К. Хорни, и др., диссертант в качестве основных составляющих агрессивной компоненты эмоциональной атмосферы общества отобрал пять эмоций: *гнев, зависть, обида, отвращение и презрение.*

По такому «формальному» критерию, как продолжительность, к компонентам агрессивной составляющей эмоциональной атмосферы общества предлагается отнести и краткие, импульсивные эмоциональные реакции, и достаточно длительные эмоциональные состояния (настроения), составляющие эмоциональный фон поведенческой агрессии. Автор работы полагает, что такой подход соответствует пониманию эмоциональной атмосферы общества как всей совокупности эмоциональных явлений, «окутывающих» человека в социальной среде.

Параграф 2.2. Факторы и механизмы, порождающие агрессивные эмоции

По мнению автора исследования, наиболее важными с политологической точки зрения факторами, порождающими агрессивные эмоции, являются: (а) приобретаемые в процессе социализации, культурно обусловленные личностные свойства и (б) ситуационные факторы.

Ситуационные факторы достаточно легко сводятся к двум следующим типам (или их комбинациям):

- активаторам агрессии, то есть сигналам, возбуждающим агрессию без помощи механизма фрустрации;
- фрустраторам, или факторам, порождающим агрессию с помощью механизма фрустрации.

Среди *активаторов агрессии* в диссертации упоминаются: предметы, слова и символы, ассоциирующиеся с агрессией; агрессивные сцены в СМИ или в жизни; агрессивные жесты, мимика, тембр голоса, интонации окружающих людей; музыкальные, цветовые и иные воздействия, способные возбудить или усилить агрессивные эмоции; любые виды легитимного и нелегитимного насилия, в которые данное сообщество оказывается втянутым, и пр. *Мощные* активаторы агрессии (войны, массовые репрессии, потоки агрессивных сигналов, поступающих в общество из общенациональных СМИ и пр.) оказывают непосредственное и более или менее синхронное влияние на все слои / группы общества, а значит и на его

эмоциональную атмосферу. Относительно *слабые* активаторы агрессии влияют на эмоциональную атмосферу, по преимуществу, опосредствованно – через сформированные «не без их участия» агрессивные сообщества.

Под термином *фрустратор* в диссертации понимается любое обстоятельство, которое является препятствием на пути удовлетворения желания / достижения цели и мотивирует поведение, направленное на то, чтобы обойти или преодолеть препятствие.

Фрустратор может частично или полностью блокировать реализацию намеченного и/или не позволять сделать это за желаемое время / с желаемой скоростью, то есть имеет *содержательную* и *скоростную* компоненты.

Фрустрация в диссертации определяется как переживание, вызванное наличием фрустратора. Сила фрустрации зависит от (а) силы стремления к фрустрированной цели³³ (б) силы фрустратора, (в) количества фрустраторов.

В работе отмечается, что мощный фрустрационный эффект может быть вызван большим количеством «малых фрустраторов», относительно слабых и плохо заметных по отдельности. Учет эффекта малых фрустраторов важен при политологическом анализе эмоциональной атмосферы переходных обществ, где высокая плотность малых фрустраторов вызывается разрушением «ткани обыденной жизни» (низкой институционализацией повседневного бытия).

Глава 3. Понятийный аппарат для анализа фрустрационных процессов

Данная глава посвящена: критическому анализу концепций уровней притязаний и ожиданий, широко используемых в политико-психологических моделях агрессивности; описанию предлагаемых автором диссертации трактовок этих понятий, пригодных для использования в политологических исследованиях; демонстрации аналитических возможностей предложенного понятийного аппарата (в том числе, описанию двух видов фрустрационных процессов, которые автор называет «токвилевым» и «стрессовым»).

Параграф 3.1. Концепции уровня притязаний и уровня ожиданий: Дж. Франк, К. Левин, Ф. Робайе

В параграфе рассматриваются варианты концепций притязаний и ожиданий, предложенные Дж. Франком, К. Левиным и его коллегами, а также Ф. Робайе.

---

³³ На этот характерный для революционных периодов фактор стимулирования роста агрессии обратил внимание еще А. Токвиль в работе «Старый порядок и революция».

Отмечается, в частности, что у Дж. Франка³⁴ в уровне притязаний слиты воедино устремления («хочу») и представления о возможностях («могу»). Понятие «уровень ожиданий» в теории Дж. Франка отсутствует.

О теории К. Левина и его коллег³⁵ говорится, что она представляет собой крупный шаг к освобождению уровня притязаний от компоненты «могу» и превращению концепций уровня притязаний и уровня ожиданий в самостоятельные теоретические конструкции. Однако процесс их разведения в теории К. Левина не завершен. В рассматриваемой теории эти понятия сконструированы таким образом, что уровень притязаний может рассматриваться как обобщение концепции уровня ожиданий, а уровень ожиданий – как частный случай концепции уровня притязаний.

В теории Ф. Робайе³⁶ уровень притязаний и уровень ожиданий присутствуют в качестве независимых друг от друга показателей: уровень притязаний отражает, по преимуществу, устремления и желания («хочу») и имеет отношение стратегическим задачам (жизненным планам), тогда как уровень ожиданий – это оценка человеком его возможностей («могу») применительно к совершенно конкретным, ближайшим задачам. Это означает, что у Ф. Робайе рассматриваемые показатели не сопоставимы друг с другом, так как их высота определяется относительно различных уровней достижений («имею»).

Параграф 3.2. «Политологизированная» версия теории Ф. Робайе

По мнению автора диссертации, предложенная Ф. Робайе трактовка уровней притязаний и ожиданий является наиболее пригодной для политологического анализа фрустрационных процессов и их влияния на эмоциональную атмосферу общества. Введенное Ф. Робайе разграничение концепций *уровня притязаний* и *уровня ожиданий* позволяет увеличить число переменных, используемых в динамических моделях фрустрации с двух (уровень достижений и уровень притязаний $\approx$ уровень ожиданий) до трех (уровень достижений, уровень ожиданий, уровень притязаний) и

---

³⁴ Frank, J.D. Individual Differences in Certain Aspects of the Level of Aspiration // American Journal of Psychology. 1935. Vol. 47. № 1; Some Psychological Determinants of the Level of Aspiration // American Journal of Psychology. 1935. Vol. 47. № 2.

³⁵ Левин К., Дембо Т., Фестингер Л., Сирс Р. Уровень притязаний. В кн.: Психология личности. Тексты. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. – М.: Изд-во МГУ, 1982.

³⁶ Robaye, F. Niveaux d'aspiration et d'expectation. – Paris: Presses universitaires de Paris, 1957.

идентифицировать процессы, неразличимые в рамках теорий Дж. Франка и К. Левина.

Вместе с тем, для использования в политологических исследованиях теория Ф. Робайе нуждается в некоторой адаптации.

Суть предлагаемой автором *адаптации* – отказ от различения уровня притязаний и уровня ожиданий по критерию обобщенности / конкретности задач, на которые они ориентированы, то есть *сведение различий между ними к различию между желаемым / «хочу» (уровень притязаний) и возможным / «могу» (уровень ожиданий)*. Для целей политологического анализа эмоциональной атмосферы общества это упрощение представляется оправданным. Имеющиеся в распоряжении политолога инструменты анализа процессов в больших социальных группах не позволяют различить, какие из множества индивидуальных «хочу» и «могу» относятся к конкретным задачам, а какие – к стратегическим. Предлагаемое упрощение дает возможность сравнивать количественные характеристики уровней притязаний («хочу») и ожиданий («могу») между собой и сопоставлять их с единой для обоих показателей основой для сравнений – обобщенным представлением об *уровне достижений («имею»)*.

Параграф 3.3. Некоторые приложения «политологизированной» теории Ф. Робайе

Данный параграф посвящен демонстрации пригодности «политологизированной» теории уровней притязаний и ожиданий для анализа теоретических конструкций, обеспечивающих понимание механизмов влияния эмоциональной атмосферы общества на политические процессы.

а) Показывается, что с помощью предлагаемой системы понятий можно четко разграничить концепции «фрустрация» и «относительная депривация». *Фрустрация* может быть определена как переживание, вызванное разрывом между уровнем притязаний человека / группы / общества и уровнем ожиданий («хочу» выше, чем «могу»), а *относительная депривация* – как переживание, обусловленное разрывом между уровнем притязаний и уровнем достижений («хочу» выше, чем «имею»).

Уровень притязаний и уровень ожиданий рассматриваются автором состоящими из двух компонент: содержательной и скоростной. Подчеркивается, что фрустрация может иметь место даже при отсутствии

расхождений между *содержательными* оценками уровней притязаний и ожиданий. Для ее возникновения достаточно расхождения *скоростных* составляющих этих показателей.

Процесс радикализации группового / массового сознания, по мнению автора, может быть описан как рост уровня притязаний («хочу»), значительно опережающий рост уровня ожиданий («могу») и потому способный породить глубокую фрустрацию и всплеск агрессивности.

б) Делается попытка формализовать описанный А. Токвилем в работе «Старый порядок и революция» рост агрессивности, наблюдавшийся в массовом сознании предреволюционной Франции на фоне улучшения общественного благосостояния (закон Токвиля).

Показывается, что, судя по тексту А. Токвиля, рост агрессивности был, в основном, обусловлен двумя обстоятельствами:

- фрустрацией скоростной составляющей уровня притязаний (при практическом отсутствии фрустрации его содержательной компоненты);
- усилением относительной депривации не только за счет опережающего роста притязаний относительно уровня достижений, но и за счет субъективной девальвации (занижения оценок) уровня достижений.

в) Вводится разграничение между двумя видами фрустрационных процессов: токвилевым и стрессовым.

Говорится, что рост фрустрации, обусловленный увеличением разрыва между уровнем притязаний и уровнем ожиданий, может происходить либо «по инициативе» уровня притязаний, либо «по инициативе» уровня ожиданий, либо быть результатом комбинации этих двух «инициатив».

В первом случае речь идет о том, что в условиях *роста* уровня достижений («имею») темпы роста уровня притязаний («хочу») оказываются выше темпов роста уровня ожиданий («могу»). Такой процесс был впервые описан А. Токвилем и потому может быть назван *токвилевым процессом*.

Во втором случае фрустрация порождается тем, что на фоне *снижения* уровня достижений («имею») уровень притязаний («хочу») снижается медленнее, чем уровень ожиданий («могу») или – что то же самое – уровень ожиданий снижается быстрее уровня притязаний. Иначе говоря, фрустрация происходит вследствие снижения субъективной оценки собственных

возможностей. Схожесть этого процесса с механизмом возникновения стресса³⁷ позволяет назвать его *стрессовым процессом*.

В параграфе отмечается, что в реальной жизни стрессовый и токвилев процессы бывают переплетены. Поэтому утверждения, что в том или ином сообществе (социальной группе, стране и пр.) имеет место токвилев или стрессовый процесс или что один из этих процессов следует за другим, имеет смысл понимать как констатацию факта преобладания (более сильной выраженности) соответствующего процесса в данный период времени.

Не исключено, что сочетание токвилева и стрессового процессов наблюдалось в России перед революционными событиями 1917 года. Сначала экономический подъем, который спровоцировал опережающий рост притязаний по сравнению с ожиданиями и соответствующий рост агрессивности, проявлявшейся, помимо прочего, в росте политических стачек. Затем Первая мировая война, действовавшая как самостоятельный активатор агрессии, а также как фактор снижения ожиданий и радикализации притязаний.

Примером смены токвилева процесса процессом стрессовым может служить считающийся многими исследователями неизбежным период послереволюционной реакции. Революция невозможна без веры в чудо и радикализации сознания общества, то есть без мощного всплеска уровней притязаний и ожиданий. Между тем, для послереволюционного периода характерна утрата иллюзий, то есть снижение уровня ожиданий («могу») при сохранении на какое-то время высоким уровня притязаний («хочу»), взвинченного революцией. В этот период становится ясно, что чуда не произошло и не произойдет, и наступает пора ресентимента: злобы на обманувшие символы, идеи, мифы и фигуры, «романтической» переоценки дореволюционного уклада, попыток вернуться к нему и пр.

Глава 4. Модели динамики агрессивности общества в современной политологии

Модели, рассматриваемые в данной главе, базируются на парадигме «фрустрация-агрессия». Эти модели разделены автором диссертации на две

---

³⁷ Ф. Тоуэте, например, полагает, что «в широком контексте стресс можно определить как неспособность поднять воспринимаемые возможности действия до уровня воспринимаемых требований» (см.: М. Айзенк (Ред.) Психология: комплексный подход. – М., Новое знание, 2002. С. 61).

группы: (а) политико-психологические модели социального насилия и (б) институциональные модели политической нестабильности.

В первой группе моделей акцент делается на психологические механизмы возникновения массовых агрессивных эмоций. Во второй – на институциональные условия, социально-экономические и политические процессы, способные запустить психологические механизмы развития массовой агрессивности.

Параграф 4.1. Политико-психологические модели социального насилия: Дж. Дэйвис, Т. Гарр, Д. Ольшанский

В параграфе анализируются модель «J-кривой» Дж. Дейвиса, модель относительной депривации Т. Гарра, а также взгляды Д. Ольшанского³⁸.

В рассматриваемых моделях динамика агрессивности объясняется с помощью двух переменных. Одна из них – оценка группой (обществом) своего фактического положения, своего «имею». Вторая – некоторое, часто трудно разделимое, соединение оценок «хочу» и «могу». Названия этих переменных в каждой из моделей несколько отличаются.

Основная идея этих моделей сводится к следующему: рост разрыва между «имею» и комбинацией (а порой тождеством) «хочу» и «могу» ведет к росту агрессивности общества. В параграфе говорится, что данные модели имплицитно, а иногда и эксплицитно, базируются на крайне примитивизированной модели *homo politicus*'а. Предполагается, в частности, что *человек политический* склонен к агрессивности в любой ситуации существенного расхождения между желаемым и имеющимся, *вне зависимости от того, существуют или нет препятствия на пути достижения им желаемого состояния.*

По мнению автора диссертации, основной причиной примитивизации взгляда на *homo politicus*'а является двухфакторность рассматриваемых моделей, связанная с объединением в рамках одного понятия качественно различных компонент («хочу» и «могу»). В свою очередь, эта неразграниченность обусловлена опорой на теорию уровня притязаний и уровня ожиданий, предложенную школой К. Левина, где указанные понятия и в самом деле разведены недостаточно четко.

---

³⁸ *Davies, J.C. Towards a Theory of Revolution // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. № 1. Гарр Т.Р. (2005) Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. Ольшанский Д.В. Политическая психология. – СПб.: Питер, 2002.*

В параграфе отмечается, что основной предмет интереса *М. Олсона*³⁹ – дестабилизирующий эффект быстрого роста экономики в модернизирующихся странах.

По мнению автора диссертации, исследуемые М. Олсоном основные дестабилизирующие факторы могут быть сведены к трем процессам:

– рост притязаний на социетальном уровне, происходящий параллельно с появлением мощных фрустраторов общенационального масштаба;

– рост притязаний в группах, выигрывающих от происходящих перемен («новые богатые» и пр.);

– появление значительных по численности групп со снижающимся доходом («новые бедные»), но ориентированных на стандарты потребления более успешных групп.

Первые два процесса являются примерами токвилева процесса, а третий может быть интерпретирован как смесь токвилева и стрессового процессов (снижение уровня ожиданий на фоне роста уровня притязаний). Судя по вниманию, которое М. Олсон уделил каждому из них, наиболее мощным фактором дестабилизации ему представлялся третий процесс.

Согласно *С. Хантингтону*⁴⁰, рост нестабильности и агрессивности в модернизирующихся сообществах обусловлен несоответствием между:

– ростом притязаний, порождаемым двумя аспектами модернизации – экономическим развитием и «социальной мобилизацией» (включающей урбанизацию, повышение грамотности, рост образования, распространение СМИ и пр.);

– отсутствием «возможностей для социальной и экономической мобильности и гибких политических институтов».

В отличие от М. Олсона, С. Хантингтон важнейшим дестабилизатором считает не экономическую динамику, а *социальную мобилизацию*. Идею М. Олсона о прямой связи между темпами экономического роста и политической нестабильностью С. Хантингтон обобщает и говорит о прямой

---

³⁹ Olson, M. Rapid Growth as a Destabilizing Force // The Journal of Economic History. 1963. Vol. 23. № 4.

⁴⁰ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004.

зависимости нестабильности от темпов *всех* связанных с модернизацией изменений.

Автор диссертации полагает, что модели политической нестабильности М. Олсона и С. Хантингтона позволяют выделить несколько структурных и динамических характеристик социальной среды, которые необходимо учитывать при анализе фрустрационных процессов на социетальном уровне: (1) темпы роста / падения экономики; (2) структура и динамика распределения доходов; (3) динамика вертикальной и горизонтальной социальной мобильности; (4) динамика гражданского и политического участия; (5) качество социальных институтов.

Глава 5. Особенности фрустрационных процессов в сообществах с различным уровнем развития достигательного поведения: построение гипотезы

В данной главе описываются гипотетические механизмы зависимости между развитостью в том или ином сообществе достигательного поведения и склонностью этого сообщества к одному из двух описанных в предыдущей главе видов фрустрационных процессов: токвилеву или стрессовому; анализируется развитие токвилева фрустрационного процесса в постсоветской России.

Параграф 5.1. Достигательное поведение; сообщества с разным уровнем развития достигательного поведения – уточнение понятий

В параграфе вводится понятие «*достигательное поведение*». Под этим термином понимается поведение, основанное на мотивации достижений по Г. Мюррею и Д. Макклелланду⁴¹, но обладающее рядом признаков, не сводимых к мотивации. Рассматриваются параметры достигательного поведения, от которых в решающей мере зависит специфика фрустрационных процессов: (1) богатство, статус и власть как критерии успеха; (2) установка на конкурентное поведение; (3) реалистическое целеполагание⁴²; (4) непринятие понижения целей⁴³; (5) моральная легитимация имущественного неравенства.

---

⁴¹ Murrey, H.A. Explorations in Personality. – New York, Oxford University Press, 1938. Макклелланд Д. Мотивация человека. – СПб.: Питер, 2007.

⁴² Антипод реалистического целеполагания – ориентация либо на сверхсложные, либо предельно легкие цели и «прыганье от наилегчайших к труднейшим задачам» (Atkinson, J.W. Motivational Determinants of Risk-taking Behavior // Psychological Review. 1957. Vol. 64. № 6. P. 369, 364, 370).

⁴³ В диссертации подчеркивается, что при устойчивом ухудшении общей ситуации (например, в условиях экономического спада) эффект неснижения целей наблюдается только в течение ограниченного периода времени. Неудачи в конце концов «приводят к снижению интереса к задаче» (Atkinson, J.W. Op. cit. P. 368-

Кроме того, в параграфе даются определения *сообщества с развитым типом достижительного поведения* и *сообщества с относительно неразвитым (формирующимся или, напротив, деградирующим) достижительным поведением*. В первом случае имеется в виду сообщество, где названные только что характеристики достижительного поведения являются доминантными. К таким сообществам относятся, в частности, общества «индустриальной» / «современной» культуры (по Р. Инглхарту⁴⁴). Во втором случае речь идет о сообществе, в котором большая часть характеристик достижительного поведения доминантными не являются. Примеры таких сообществ: «традиционные общества», переживающие процесс модернизации; пост-тоталитарные общества; сообщества, включенные в культуру со зрелым достижительным поведением, но в которых этот тип поведения по тем или иным причинам развит слабее, чем на уровне общества в целом и т.п.

Высказывается предположение, что в модернизирующихся или уходящих от тоталитаризма обществах освоение различных компонент достижительного поведения происходит неравномерно: быстрее всего осваиваются элементы, не предполагающие длительных культурных трансформаций общества (изменения традиций семейного и школьного воспитания и т.п.). Исходя из опыта России последних двадцати лет, автор диссертации полагает, что, относительно легко и быстро усваиваемыми характеристиками достижительного поведения являются «классические» критерии успеха (прежде всего, деньги) и установка на конкурентное поведение.

Параграф 5.2. Формулировка гипотезы

Общая формулировка гипотезы, предлагаемой в данной параграфе, такова. Склонность сообщества к тому или иному типу фрустрационных процессов связана с развитостью/неразвитостью в нем достижительного поведения: в сообществах с развитым достижительным поведением вероятность развертывания стрессового процесса заметно превышает

---

369), установка на неснижение целей ослабевает, и люди начинают адаптироваться к новым, не столь благоприятным условиям, руководствуясь реалистической оценкой своих возможностей.

⁴⁴ См., например: *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // ПОЛИС. 1997. № 4; *Inglehart, R., Baker, W.E.* Modernization, Cultural Change, and Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. № 1.

вероятность развертывания токвилевого процесса; в сообществах со слабым развитием достижительного поведения соотношение вероятностей развертывания этих процессов будет обратным.

Предельно упрощая ситуацию – сводя ее к частному (но частому) случаю изменения экономического положения сообщества – это же утверждение можно сформулировать так: в сообществах с *развитым* достижительным поведением рост массовой *агрессивности* более вероятен при *ухудшении* экономического положения и менее вероятен в условиях его улучшения; в сообществах с относительно *неразвитым* достижительным поведением рост массовой *агрессивности* более вероятен при *улучшении* экономического положения и менее вероятен на фоне его ухудшения.

В параграфе описываются гипотетические культурно-психологические механизмы, лежащие в основе зависимости между уровнем развитости достижительного поведения и склонностью к тому или ином типу фрустрационного процесса. Диссертант показывает, что ключевая роль в этих механизмах принадлежит распространенности/нераспространенности в обществе таких компонент достижительного поведения, как *реалистичность целеполагания* и *установка на неснижение целей*.

Параграф 5.3. Развитие токвилева фрустрационного процесса в постсоветской России (1993-2006 гг.)

В параграфе отмечается, что, судя по результатам социологических исследований, Россия является страной, где достижительное поведение пока еще развито довольно слабо – во всяком случае, значительно слабее, чем в странах «Большой Семерки» и в таком «Азиатском тигре», как Южная Корея⁴⁵. Поэтому автор исследования полагает, что сегодняшняя Россия может служить объектом для исследования, направленного на проверку гипотезы о связи между относительной неразвитостью достижительного поведения и склонностью к токвилевым фрустрационным процессам.

Для проверки гипотезы рассматривается динамика социологических и статистических показателей, по которым, как представляется автору, можно судить об изменении агрессивности общества и движении уровней притязаний, ожиданий и достижений в России в 1993-2007 годах.

---

⁴⁵ См., например: *Магун В.С.* Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991-2004 гг. // Российский журнал менеджмента. 2006. № 4.

а) *Динамика агрессивности общества*. В параграфе отмечается, что в российской социологии можно найти очень мало показателей, которые бы удовлетворяли одновременно двум условиям: (а) несли в себе некоторую информацию о распространенности в обществе недовольства и связанных с ним агрессивных эмоций и (б) регулярно и часто отслеживались на протяжении всего постсоветского периода российской истории.

Один из таких показателей: ответы на вопрос о готовности участвовать в «массовых выступлениях населения против падения уровня жизни, в защиту своих прав»⁴⁶. Недостатком этого показателя является то, что он отражает только *распространенность* интересующих нас настроений, но никак не передает их интенсивность, и потому имеет естественный максимум (100%). Но лучших социологических показателей автору диссертации найти не удалось.

Судя по приводимой в диссертации динамике рассматриваемого показателя, агрессивность российского общества в течение 1993-2007 годов имела тенденцию к возрастанию. Эта тенденция была переломлена лишь однажды – в результате дефолта. Эффект дефолта продлился примерно год. Затем рост агрессивности возобновился.

Важно иметь в виду, что, в той или иной мере отражая динамику общественной агрессивности, показатель вербальной готовности участвовать в акциях протеста еще ничего не говорит о направленности (объектах приложения) агрессивных эмоций. Утверждать, например, что рост / снижение рассматриваемого показателя является однозначным свидетельством роста / снижения недовольства властью, было бы неверно.

В 90-е годы XX века российская власть, и прежде всего власть федерального уровня, действительно находилась в числе основных объектов массового недовольства. Однако в первом десятилетии XXI века она из этого списка ушла. Между тем, общественная агрессивность продолжала расти, найдя себе новые «адресаты». В параграфе приводятся данные социологических исследований автора диссертации и Института социологии РАН, позволяющие утверждать, что в 2000-х годах к числу главных объектов

---

⁴⁶ С 1993 года по настоящее время этот вопрос практически в одной и той же формулировке включается Левада-центром в ежеквартальные репрезентативные опросы «Мониторинг социально-экономических перемен».

приложения массовой агрессивности принадлежали «богачи»/«олигархи», «иностранцы» и «Запад»⁴⁷.

б) *Динамика уровней притязаний, ожиданий и достижений.* Сегодня в регулярных российских опросах отсутствуют специальные индикаторы уровней притязаний и ожиданий. Однако существуют показатели, по движению которых, хотя и косвенно, но все же можно в какой-то мере судить об изменениях соотношения уровня притязаний и уровня ожиданий в сознании «среднестатистического» россиянина. По мнению автора диссертации, такими показателями могут служить ответы на следующие вопросы проводимого Левада-Центром «Мониторинга социально-экономических перемен»: (а) «Начиная с какого среднемесячного денежного дохода в расчете на одного человека, семью можно считать богатой?»; (б) «Сколько денег нужно сейчас Вашей семье в расчете на одного человека в месяц, чтобы жить, по вашим представлениям, нормально?»

В ответах на каждый из этих вопросов присутствуют составляющие и «хочу», и «могу», то есть и уровень притязаний, и уровень ожиданий⁴⁸. Однако в ответах на вопрос о «нормальном» доходе составляющая «хочу» окрашена в куда более реалистические тона, то есть значительно ближе к «могу», чем в ответах на вопрос о минимальном уровне богатства. Иначе говоря, в ответах на вопрос о богатстве уровень притязаний представлен значительно сильнее, чем уровень ожиданий. Поэтому сопоставление динамики ответов на эти два вопроса может дать некоторое представление об относительных изменениях уровней притязаний и ожиданий. Что же касается уровня достижений, то о его динамике можно в первом приближении судить

---

⁴⁷ Урнов М.Ю., Касамара В.А. Современная Россия: вызовы и ответы. – М.: ФАП «Экспертиза», 2005. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН, 2007 (*готовится к публикации*).

⁴⁸ О том, что представления о минимальном уровне богатства включают компоненту «хочу», можно судить хотя бы по тому, что в различных социологических опросах около 60% россиян говорит о своей зависти к богатым и о желании быть богатыми (см., например: Левада Ю.А. «Человек ограниченный»: уровни и рамки притязаний // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 4. С. 11. Урнов М.Ю., Касамара В.А. Современная Россия: вызовы и ответы. – М.: ФАП «Экспертиза», 2005. С. 65). По поводу того, что оценки уровня «нормального» дохода отражают представление об уровне дохода, желаемого в настоящий момент, то есть также содержат компоненту «хочу», см.: Красильникова М.Д. Структура представлений о бедности и богатстве // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 1. С. 23.

В пользу того, что в обоих показателях присутствует элемент «могу», говорит статистическая связь между ними и уровнем реальных доходов.

по ответам на вопрос о том, каким был доход респондентов в месяц, предшествующий опросу.

В диссертации приводятся данные, согласно которым в течение 1993-2007 годов рост оценок минимального уровня богатства значительно опережал рост оценок «нормального» дохода. Если следовать предложенной выше интерпретации этих показателей, то позволительно утверждать, что в рассматриваемый период разрыв между уровнем притязаний и уровнем ожиданий возрастал. Иными словами, в России наблюдалось развертывание токвилева фрустрационного процесса, которым можно объяснить долгосрочную тенденцию роста агрессивности.

Спаду агрессивности в постдефолтный период соответствует резкое падение оценок минимального уровня богатства и значительное сокращение разрыва между ними и оценками «нормального» дохода (сокращение разрыва между уровнем притязаний и уровнем ожиданий). Характерно, что в течение нескольких постдефолтных месяцев 1998 года настроение россиян улучшилось⁴⁹.

в) Динамика преступлений против собственности в сопоставлении с динамикой среднедушевых доходов населения. Согласно приводимой в диссертации статистической информации, в 1993-2006 годах в России трендовые составляющие показателей преступлений против собственности и реальных доходов населения были практически параллельными.

Предположив, что механизмом, связывающим динамику доходов и интенсивности мотивации у лиц совершающих преступления, является фрустрационный процесс, параллелизм движения доходов и преступности можно объяснить с помощью модели фрустрационных процессов, характерной для сообществ с недостаточно развитым достижительным поведением – стимулирование токвилева и торможение стрессового фрустрационного процесса.

Заключение

В Заключении подводятся краткие итоги исследования, намечаются дальнейшие направления работы, обсуждается целесообразность введения в

---

⁴⁹ По данным Левада-центра, в течение сентября-ноября 1998 года доля россиян, указавших, что они испытывают «напряжение, раздражение» или «страх, тоску», сократилась с 68 до 56%, а удельный вес заявивших, что у них «прекрасное настроение» или «нормальное, ровное состояние», увеличился соответственно с 27 до 35% (<http://socpol.ru/archives>).

научный оборот концепции «эмоциональной атмосферы общества», а также намечаются пути согласования этой концепции с теорией рационального поведения.

В пользу целесообразности использования концепции «эмоциональная атмосфера общества» выдвигается три аргумента: практический, методический и теоретический.

Говорится, что с *практической* точки зрения концепция «эмоциональной атмосферы» лучше, чем, например, концепция «настроений», помогает осознать реальность того, что человек постоянно является объектом эмоциональных воздействий, влияющих на его мировосприятие и поведение – в том числе, политическое. Утверждается, что учет ускользающих от внимания воздействий эмоциональной атмосферы общества может помочь объяснить и спрогнозировать многие кажущиеся непонятными и неожиданными изменения политических предпочтений, норм политического поведения и пр. (например, это может помочь ответить на вопрос, почему значительная часть общества, два-три года назад искренне осуждавшая проявления ксенофобии и национализма, сегодня голосует за радикально-националистические партии).

В *методическом* отношении концепция эмоциональной атмосферы как *системы* эмоциональных состояний и процессов облегчает системное изучение *отдельных* аффективных факторов в политике. В частности, данная концепция позволяет разработать пригодную для использования в политических исследованиях типологию этих факторов.

В *теоретическом* плане признание факта существования эмоциональной атмосферы общества представляется дополнительным аргументом в пользу синтеза «рационалистической» и «психологической» парадигм в анализе политического поведения. Такой синтез отнюдь не подрывает основ теории рационального поведения – в частности, концепций максимизирующего поведения, стабильности предпочтений и рациональности ожиданий.

Для *согласования концепции эмоциональной атмосферы общества с концепцией максимизирующего поведения* требуется интерпретировать эмоциональную атмосферу как фактор, вызывающий изменения:

(а) пространства, на котором задана функция полезности, (б) областей определения и значения данной функции, (в) характера ее вогнутости.

Что касается таких элементов теории рационального поведения, как *стабильность предпочтений* и *рациональность ожиданий*, то здесь, по мнению автора диссертации, учет эффекта эмоциональной атмосферы может помочь реалистичнее разграничить состояния общества, в которых применение этой концепции не вызывает сомнений, и состояния, при которых ее использование требует существенной осторожности и оговорок.

Единственное, с чем действительно конфликтует утверждение о существовании эмоциональной атмосферы общества, так это с принципом методологического индивидуализма.

III. Список научных публикаций диссертанта (1981-2008 гг.)

Публикации в журналах, входящих в список ВАК

1. Насколько мы готовы к демократии? (Статья 1) // Рабочий класс и современный мир (с 1991 – ПОЛИС). 1989. № 4. (0,5 п.л.)
2. Насколько мы готовы к демократии (Статья 2) // Рабочий класс и современный мир (с 1991 – ПОЛИС). 1990. № 2. (0,5 п.л.)
3. Освобождаясь от авторитаризма // ПОЛИС. 1991. № 1. (0,5 п.л.)
4. О судьбе перестройки в СССР // ПОЛИТИЯ. 2001. № 5. Соавт.: Бунин И.М. (1,0 п.л.; личный вклад автора – 0,5 п.л.)
5. Эмоциональная атмосфера общества как объект политологического исследования. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2007. № 2. (0,8 п.л.)
6. Эмоциональная атмосфера общества как объект политологического исследования. Статья 2 // Общественные науки и современность. 2007. № 3. (0,7 п.л.)
7. Эмоциональная атмосфера общества как объект политологического исследования. Статья 3 // Общественные науки и современность. 2007. № 4. (0,7 п.л.)
8. Динамика массовой агрессивности в сообществах с различным уровнем развития достигательного поведения. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2008. № 4. (0,8 п.л.)
9. Динамика массовой агрессивности в сообществах с различным уровнем развития достигательного поведения. Статья 2 // Общественные науки и современность. 2008. № 5. (0,8 п.л.)

Книги

10. Партийная система в России в 1989-1993 годах: опыт становления. – М.: Начала Пресс, 1994. Соавт.: Салмин А.М., Бунин И.М., Капелюшников Р.И. (4 п.л.; личный вклад автора – 1,0 п.л.)
11. Средний класс в России: количественные и качественные оценки. – М.: ТЕИС, 2000. Соавт.: Авраамова Е.М., Григорьев Л.М. и др. (18 п.л.; личный вклад автора – 2 п.л.)
12. Второй срок правления В.Путина: дилеммы российской политики. – М.: Права человека, 2004. Соавт.: Григорьев Л.М., Загорский А.В. (3 п.л.; личный вклад автора – 1,0 п.л.)
13. Современная Россия: вызовы и ответы. – М.: ФАП «Экспертиза», 2005. Соавт.: Касамара В.А. (7,5 п.л.; личный вклад автора – 5,5 п.л.)
14. Бизнес и общественное развитие России: проблемы и перспективы. Национальный доклад для Программы развития ООН. – М.: Ассоциация менеджеров, 2006. Соавт.: Литовченко С.Е., Чувиляев П.А. и др. (3 п.л.; личный вклад автора – 1 п.л.)
15. Эмоции в политическом поведении. – М.: Аспект Пресс, 2008. (15 п.л.)

Прочие публикации

16. Содержание труда клубного работника // Социология культуры. Труды НИИ культуры. № 104. 1981. (1,7 п.л.)
17. О подготовке клубных специалистов в институтах культуры // Социология культуры. Труды НИИ культуры. № 104. 1981. Соавт.: Ионкус А.П. (1,0 п.л.; личный вклад автора – 0,5 п.л.)
18. Профессиограмма клубного работника // Социология культуры. Труды НИИ культуры. № 104. 1981. Соавт.: Плотников С.Н., Ионкус А.П. (0,9 п.л.; личный вклад автора – 0,3 п.л.)
19. Представления о культурном человеке как предмет сравнительных исследований культуры (тезисы доклада) // Проблемы сравнительных социологических исследований. – М.: ИСИ АН СССР, 1982. (0,1 п.л.)
20. Моделирование человека как биосоциальной системы. Общая структура биосоциальной системы «человек». – Л., Наука (Ленингр. отд.), 1983. Соавт.: Киселев Е.Ю., Киселев М.Ю. и др. (1,1 п.л.; личный вклад автора – 0,3 п.л.)
21. Роль театра в нравственном воспитании зрителя // Театр и время. Сб. статей ВТО-ВНИИ искусствознания. М.: ВТО, 1985. (0,7 п.л.)
22. К анализу политического сознания народных депутатов (по материалам социологического исследования). // Т.Т. Тимофеев, Р.Я. Евзеров, А.М. Салмин (Ред.) Рабочий класс и социальный прогресс – 1993 (Ежегодник Института сравнительной политологии и проблем рабочего движения РАН). – М.: Наука, 1993. (1,5 п.л.)
23. Либерализм и идеология российских элит // Либерализм в России. Сб. статей. – М.: Знак, 1993. (0,8 п.л.)

24. Managerial Ideologies: A Russian and British Comparison // International Business Review, 1993. Vol. 2. № 3. Co-authors: Mirza, H., Butler, R. (0,5 п.л.; личный вклад автора – 0,4 п.л.)
25. Авторитарность: опыт количественной оценки // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 1994. № 5 (0,3 п.л.)
26. Анализ и прогнозирование политических кампаний // Вестник Московской школы политических исследований. 1996. № 5 (0,5 п.л.)
27. О национальной идентичности // Вестник Московской школы политических исследований. 1996. № 6 (0,5 п.л.)
28. Существует ли инвестиционный потенциал сбережений населения России? // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 1997. № 3 (0,2 п.л.)
29. Стимулирование развития среднего класса в России как управленческая и политическая задача. // Средний класс в России: проблемы и перспективы. М.: ИЭПП. Научные труды № 9. Р-1. 1998 (0,3 п.л.)
30. Некоторые факторы адаптации российского общества к ситуации после августовского кризиса 1998 г. // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 1999. № 2. (0,8 п.л.)
31. Новые жизненные реальности и их отражение в общественном сознании: механизмы обеспечения социальной стабильности // Россия: поиск пути. – М.: Научная книга, 1999 (0,3 п.л.)
32. Россия в XXI веке: вопросы без ответов // Г. Никипорец-Такигава (Ред.-сост.) Integrum: точные методы и гуманитарные науки. М.: Летний сад, 2006 (1,0 п.л.)
33. Russia: geopolitical views and domestic political context // By F.Tassinari, P.Joenniemi, U.Jakobsen (Eds.) Wider Europe: Nordic and Baltic Lessons to post-Enlargement Europe. – Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2006. (0,8 п.л.)
34. Трансформация политического режима в России: содержание и возможные последствия (Тезисы доклада) // Тезисы докладов. IV Всероссийский конгресс политологов. – М.: РАПН, 2006. (0,1 п.л.)
35. Эмоциональная атмосфера общества как объект политологического исследования: постановка проблемы. Препринт WP14/2007/01. Серия WP14. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007 (3,0 п.л.)

Урнов Марк Юрьевич

Эмоциональная атмосфера общества и ее влияние на политические процессы

Диссертация посвящена разработке концепции эмоциональной атмосферы общества, ориентированной на нужды анализа политических процессов. В работе рассматриваются основные факторы и механизмы формирования эмоциональной атмосферы общества; предлагается набор ее главных составляющих и процедура оценки ее однородности / неоднородности; намечаются возможные пути интеграции понятия эмоциональной атмосферы общества в теорию рационального поведения.

Большое внимание уделено в работе агрессивной составляющей эмоциональной атмосферы общества. Предлагается понятийный аппарат для анализа динамики агрессивности на социетальном уровне. Описываются два важных с политологической точки зрения типа фрустрационных процессов: токвилев и стрессовый процессы. Исследуется связь между склонностью общества к токвилевым или стрессовым процессам и уровнем развития в нем достижительного поведения.

Mark Y. Urnov

Emotional atmosphere of society and its influence on political processes

The thesis is devoted to the elaboration of a concept of emotional atmosphere of society, which can be used in the analysis of political processes. Among the questions under study are the main factors and mechanisms of formation of emotional atmosphere of a society; the set of its major components; estimation procedure of its homogeneity / heterogeneity; possible ways of the integration of the concept into the theory of rational behavior.

The work pays a big attention to the aggressive component of emotional atmosphere of society, especially: to the conceptual tools for the analysis of dynamics of aggressiveness on societal level; to the description of two types of frustration processes important for political analyses: tocqueville and stress processes; to the analysis of liaisons between propensity of a society to tocqueville or to stress processes and the maturity of achievement behavior.